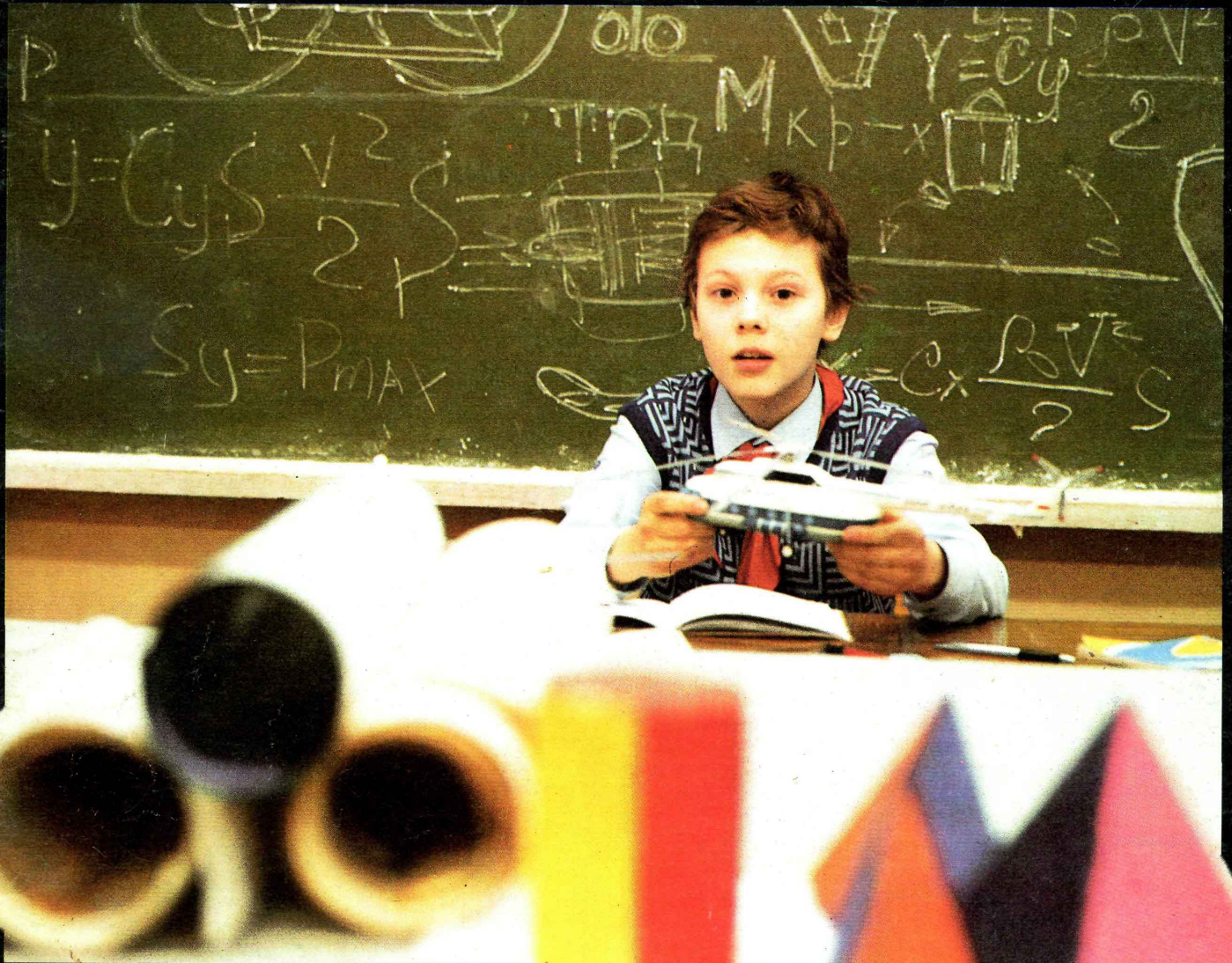

ЗВУКОВОЙ ЖУРНАЛ

КРУГОЗОР

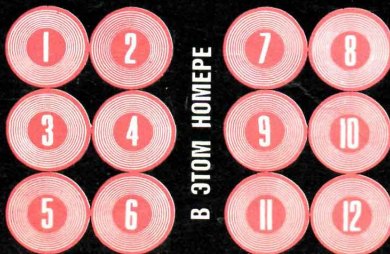
4/888

С нами разговаривает В. И. Ленин
Музыка в семье Ульяновых

Уроки здоровья Никитиных
Не убивайте Моцартов!

Василий Теркин против бюрократов
А. Гончаров: театр — кафедра жизни

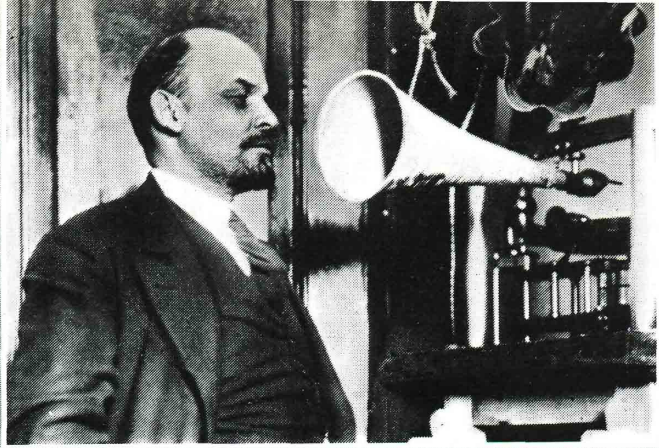

В ЭТОМ НОМЕРЕ

До 16 лет слушать запрещается!
Афганские песни. Боль и мужество

Сатирик М. Мишин шутить не любит
Приглашает группа «Черный кофе»

Звезда эстрады — Петя Буюклиева
Ансамбль «Юраия Хип» (Англия)

С НАМИ РАЗГОВАРИВАЕТ ЛЕНИН

Немного
ленинских речей успели за-
писать с 1919 по 1921 г. на пластинки.

Всего шестнадцать. И все — по самым жи-
вотрепещущим проблемам бурных послереволю-
ционных лет: «Что такое Советская власть?», «Как
навсегда спасти трудящихся от гнета помещиков и капитали-
стов», «О трудовой дисциплине»... Граммофонную пластинку
называли в те годы «младшей сестрой газеты, книги и всего
агитационного материала». Пластинки с выступлениями
В. И. Ленина разошлись невиданным для того времени тиражом. Более
полумиллиона их было выпущено за два года. В Москву отправлялись
делегации из дальних городов и деревень с наказом «привезти голос Ленина».
Как вспоминал потом крестьянин Калужской губернии, слушали Ленина, «сняв
шапки». Эти оперативные выступления на злобу дня оказались единственными
записями голоса Ильича. Матрицы пластинок быстро пришли в негодность, а сами
пластинки были столь популярны, что уже через несколько лет не удалось
отыскать ни одного «незаигранного» диска. Восстановление записей пришлось
отложить до времени, когда техника позволит заняться реставрацией без риска
утраты оригинала. В 1934 г. была предпринята первая попытка убрать помехи
и шумы. С тех пор эти уникальные записи реставрировались пять раз. Наконец они
были пропущены через созданную в Киеве новейшую систему электронных
фильтров. Специалистам пришлось очень тщательно следить, чтобы в погоне
за чистотой звучания не были утрачены подлинные краски голоса Владимира
Ильича. Группе специалистов, участвовавших в восстановлении редчай-
ших записей выступлений В. И. Ленина, присуждена Государственная
премия СССР. Могут быть найдены пластинки с ленинским голосом,
неизвестные сегодня специалистам? Надежды на такую удачу не
потеряны. Ведь случилось же так, что в 1970 г. в одной ленин-
градской семье были обнаружены записи речей В. И. Ленина,
сделанные в 1921 г. Одна из них называлась «Беспар-
тийные и Советская власть», другая — «О продо-
вольственном налоге или продналоге и о
свободном обмене хлебных излиш-
ков». Слушайте первую зву-
ковую страницу журнала.

В. ЧУРИКОВ

В Центральный музей Революции СССР передана на хранение уникальная книга — биография В. И. Ленина, изданная в Индии в 1921 году. По-видимому, это единственный сохранившийся экземпляр.

Придет время — и, я уверен, имя индийского журналиста Г. В. Кришна Рао будет в одном ряду с именами американца Джона Рида, китайца Цюй Цюбо и всех тех, кто первым рассказал своим соотечественникам правду об Октябрьской революции, о ее вожде.

Работая в Национальном архиве Индии, я заинтересовался небольшой информацией, составленной на основе документа британской разведывательной службы. В ней сообщалось, что некий Г. В. Кришна Рао из Мадраса издает пробольшевистскую газету под названием «Нава юга» («Новая эра»). Только представив себе сложную и суровую обстановку в Индии в начале 20-х годов, можно понять, с каким колоссальным трудом и риском была связана эта работа.

Что такой Кришна Рао? Жив ли он? Может быть, у него или его родных удастся узнать хоть что-либо об этой газете?

Не буду рассказывать, сколько мне пришлось потратить времени и сил, прежде чем я отыскал наконец предполагаемый адрес Кришна Рао и отправился в Гунтур. В дверях дома старой постройки, как в нише, сидел сухощавый старик. Его длинные седые волосы и борода сливались с полотняной одеждой.

— Вам кого? — спросил он.

Я сбивчиво рассказал о цели моего приезда в Гунтур.

— Ну что ж, — сказал он, — я и есть тот самый Кришна Рао, которого вы ищете.

Это было так неожиданно, что, схватив его руку, я долго не выпускал ее: мне казалось, что я могу вдруг лишиться удачи, которой наконец увенчались трудные поиски. Потом мы долго беседовали о событиях далеких лет, о его газете.

Еще будучи студентом колледжа, Кришна Рао напряженно следил за иностранной политической литературой. Особенно его интересовала информация об освободительной борьбе народов, и он ловил каждое сообщение о событиях в России.

Завершив учебу в Калькутте в 1920 г., он вернулся в Гунтур и стал работать в газете «Сва-радх» заместителем редактора

**В «ЗВУКОВУЮ КНИГУ
О ЛЕНИНЕ»**

и заведующим отделом иностранной информации. Политические взгляды и публикации Кришна Рао сделали его опасной фигурой для газеты, и он вынужден был уйти.

Через год Кришна Рао начал издавать еженедельную газету «Нава юга». Главными материалами в ней были новости политической жизни за рубежом. Семь лет он выпускал газету на свои средства и прекратил ее издание только после того, как они полностью иссякли.

— Сотрудники тайной полиции,— вспоминал Кришна Рао,— угрожали применить ко мне санкции в соответствии с инструкцией британской администрации по борьбе с большевизмом. Они припомнили мне все: мои выступления на студенческих собраниях, мою работу в газете «Сварадж», мою книгу о Ленине...

— Простите,— перебил я его,— вы сказали, что написали книгу о Ленине?

— Да, в 1920 году я написал биографию вашего вождя, но издать ее смог только через год в типографии своей газеты.

Биография Владимира Ильича! Написана в 1920 году, при жизни Ленина! И где? В провинциальном городке Индии! Меня охватило глубокое волнение.

— Не могли бы вы показать мне эту книгу?

— К сожалению, не могу — у меня нет ни одного экземпляра.

— А если поискать в библиотеках или спросить у ваших друзей, которым вы, наверное, дарили ее? — не отступал я.

— Друзья... — грустно улыбнулся Кришна Рао. — Одних уже нет в живых, других потерял из виду. Этой книги в Гунтуре нет.

Я понял, что поиски бесполезны, и, включив магнитофон, стал по-

себе, к чему народное восстание может привести.

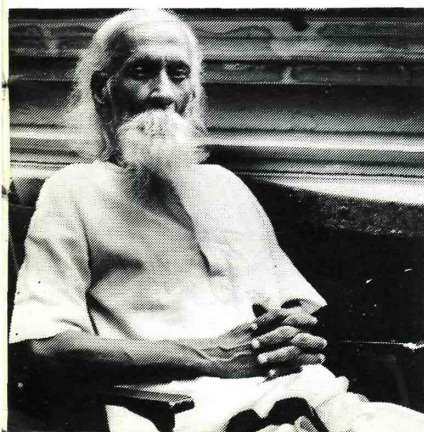
И вот я решил в моей книге о Ленине показать путь, которым шел ваш народ к завоеванию свободы и независимости. Позже, к своей радости, я узнал, что книга была переведена на телугу и другие языки и в какой-то мере послужила источником для новых работ о России и Октябрьской революции.

Я слушал Кришна Рао и думал о том, как много сделал этот скромный человек, доживающий свои дни в безвестности. Он не был коммунистом, но занимался пропагандой революционных идей, прятал в своем доме индийского революционера, скрывавшегося от британских колониальных властей, на собраниях партии Национальный конгресс в 1932—1935 годах рассказывал о ленинской теории строительства социалистического общества...

Примерно через месяц после встречи с этим удивительным человеком я получил из Гунтура пакет с первым изданием его книги о Ленине. Сын Кришна Рао писал мне, что нашел эту книгу у своего друга, которому она досталась от отца.

И вот она у меня в руках — желтевшая и хрупкая от времени книга. Не открываясь, я прочитал все шестьдесят страниц и был поражен тем, с какой проникновенностью автор описал жизнь Ленина, рассказал о его работе по созданию Коммунистической партии, борьбе с меньшевиками, оппортунистами. Кришна Рао, естественно, не располагал богатым материалом, но ему удалось убедительно изложить основные идеи Ленина. Он прекрасно передал дух революционной России, разбудившей в 1917 году всю планету.

«УСТРЕМЯТСЯ НОВЫЕ ПОТОКИ...»

Памятник В. И. Ленину, открытый в Дели 21 ноября 1987 г., в дни фестиваля СССР в Индии. Автор бронзовой скульптуры вождя лауреат Ленинской премии Александр Тюренков. Индийский журналист Кришна Рао.

Фото ТАСС и автора.

дробно расспрашивать Кришна Рао о его книге.

— Когда я стал работать в газете «Сварадж», — начал он свой рассказ, — то был уже хорошо знаком с теориями некоторых прогрессивных зарубежных деятелей. Я долго размышлял, какое из учений подходит больше всего для Индии, какое могло бы помочь моей стране стать независимой и свободной. Я знал, что люди готовы восстать против англичан, но плохо представлял

Нужна была глубокая убежденность, чтобы поверить в те годы в окончательную победу Октябрьской революции. И у Кришна Рао эта убежденность была! В глуши колониальной Индии он сумел понять ленинские идеи и написать живые строки: «От этого могучего молодого народа, окрыленного благородными идеалами революции, устремятся новые потоки жизни в другие страны мира...» ■

Г. КОЛОКОЛОВ,
журналист-международник

ОБЫКНОВЕННЫЕ ВУНДЕРКИНДЫ?

Интеллект человека —
под «микроскопами»
психологов

Поводом для встречи вашего корреспондента с О. К. Тихомировым, доктором психологических наук, профессором МГУ и автором учебника «Психология мышления», послужила статья в одном из номеров журнала «Америка» «Умственные способности, что это?». Многие положения статьи поражают, во всяком случае, неискушенного читателя.

— Олег Константинович, в статье говорится о новых теориях в области интеллекта, которые «вносят свежую струю» в «общепринятые понятия о том, что такое интеллектуальность». Как бы вы прокомментировали это?

— О «множественности аспектов интеллектуальности», как называют в США разносторонние умственные способности человека, спор в психологии давний. Кроме «лингвистической» и «логикоматематической», сюда включают еще способности музыканта, художника, «коммуникативную» способность и «телесную кинестетику» спортсмена или артиста и т. д. В статье перечислены западные психологи, занимавшиеся этой

проблемой. Не названы лишь советские ученые, между прочим, с мировыми именами.

Так, в 50—60-е годы целое направление — психофизиологию индивидуальных различий между людьми — создал Б. М. Теплов. Занимался он, в частности, и психологией музыкальных способностей. Психология динамических способностей заинтересовала К. К. Платова. Тогда же С. Н. Лейтес пытался выявить глобальные отличия одаренных детей.

По Лейтесу, существуют два признака с детства одаренного человека. Первый из них — высокая активность, стремление действовать без приказа, без инструкций, по личной инициативе (как раз то, что в наши дни провозглашается в качестве социального заказа!). Второй — саморегуляция: умение самому «руководить» своим поведением.

Наконец, проблемами врожденных и приобретенных способностей занимался такой авторитет, как А. Н. Леонтьев. Он, например, сравнивал мозг с роялем и рассуждал так: если инструмент не настроен, на нем можно сыграть самые различные произведения — от легкой до классической музыки. Лишь бы рояль был исправен. Вот и в мозгу человека на протяжении всей его жизни могут формироваться самые разные способности. И зависит это не только от мозга, но и от окружающей человека среды, условий воспитания и обучения.

— Вы сказали: если инструмент исправен. По отношению к человеку это значит: если он здоров?

— Конечно, прежде всего я имею в виду здоровье человека. Но погодите, аналогия с роялем нам еще пригодится. Пока же скажу, что человеческие способности — это проявление индивидуальных различий. Все дело — в выборе цели. И вот тут-то зача-

стную нашу дорожку с американскими коллегами расходится.

Цель, которую ставила и ставит перед собой советская психология, по сути своей гуманна. Она вытекает из социальных задач, решаемых обществом, которое первым продвигается по неизведанному и нелегкому пути строительства нового общества. Среди главных задач и такая: всестороннее и гармоничное развитие личности.

Если рассматривать проблему, о которой идет разговор, под таким углом зрения, то мы обнаружим, что советская психология больше внимания уделяла анализу потенциала развития способностей человека, а также компенсации отсутствующих. Цель же зарубежной психологии (я имею в виду не только США) — в основном прогноз. К этому сводится смысл многих исследований: выявить, кто может, а кто не может заниматься той или иной деятельностью; кто — лучше, кто — хуже. Чувствуете разницу?

Ольга Скороходова, у которой от рождения отсутствовали зрение и слух, успешно работала научным сотрудником в Институте дефектологии, писала научные труды, издавала книги. Она даже музыку слушала, прислонясь спиной к роялю. Может, это называется, по Х. Гарднеру, одному из американских теоретиков «нового направления» в изучении интеллекта человека, «телесной кинестетикой»? Не знаю. Но если бы, допустим, он устроил экзамен, то как педагог чьими успехами больше бы гордился: Скороходовой или хоккеиста Грецки?

А вспомнился этот феномен в доказательство огромных «компенсаторных», как мы их называем, возможностей человека, даже в патологической ситуации. А при нормальном положении вещей?

Что показали, например, эксперименты, которые несколько лет тому назад мы проводили вместе

с гипнологом В. Л. Райковым? Во-первых, как из неспособных и малоспособных сделать более способных. Во-вторых, как обучать (и быстрее) неспособных или малоспособных, «репродуцировать» отсутствующую или дремлющую способность. И результаты, которые, кстати, уже освещались и в прессе, и на телевидении, разительные.

Но влияние гипноза — лишь один из методов. Пути, приемы, формы воздействия на мышление многообразны — их ищет, над ними работает наша наука.

Никто, конечно, не собирается делать из каждого Репина, Глинку или Циолковского. Пора уже отказаться от валового подхода! К сожалению, этому мешают укоренившиеся стереотипы. Например, вульгарно трактуемое равенство людей при социализме. Равенство социальное стало восприниматься как «одинаковость» и в духовной сфере. Возьмем педагогику. Один из распространенных стереотипов в школе такой: раз семилетний школьник — учащийся младшего класса, значит, и все ребята этого возраста тоже должны быть школьниками только младшего класса. И для всех одна программа обучения. В результате более способные и подготовленные дети не получают должного развития. Не «убиваем» ли мы таким образом будущих Моцартов?

— Вы имеете в виду вундеркиндов? Ведь это в связи с изучением их психики пришли к своим целям, как говорится в журнале «Америка», «бросающие вызов» теоретикам.

— Я имею в виду одаренных детей! Если хотите, «обыкновенных вундеркиндов». Потому что слово, которое еще употребляется для обозначения явления, о котором идет речь, вскоре вовсе исчезнет из нашей лексики. Чудо-ребенок? Еще Максим Горький (помните его

статьи «Мальчик», «Мальчики и девочки»?) заметил, как много в нашей стране не по годам развитых ребят! И очень сетовал на собратьев по перу, что «пресса не сумела отметить значение опыта». А что изменилось с тех пор?

Есть у нас опыт создания школ-интернатов по математике, физике, другим естественным наукам. А почему нет по гуманитарным? Помню, когда я ходил в школу, был у нас ученик, которого хотели исключить за двойки по математике: вместо того чтобы учить бином Ньютона, он писал стихи. Теперь этот мальчик — известный драматург. Думаю, мой бывший одноклассник Михаил Роцин не обидится на меня за то, что я оглашаю «дела давно минувших дней».

А одаренных детей сейчас, конечно же, гораздо больше, чем в горьковские, тридцатые, да и в мои школьные годы!

— Так, может быть, в наше время перестройки надо ускорить и этот процесс? Могли бы помочь делу специальные тесты, например? Ведь практикуют же их во многих странах.

— Я ждал этого вопроса. Сейчас мы и «сломаем» тот рояль, помните? Основная беда тестов в том, что возможности их невысоки. И могут происходить парадоксальные вещи: по результатам тестовых испытаний человек, скажем, признается годным заниматься той или иной деятельностью. Он овладевает профессией, и тут... у него ничего не получается! Или — наоборот. Вот почему опасно по итогам предварительных испытаний ставить, как говорится, крест на человеке.

Но и в США, да и в других странах немало критиков системы тестов. Ученые понимают, какие здесь открываются возможности для социальных злоупотреблений, например, для обоснования расизма. Вдумайтесь только, куда

это ведет: дети, которые живут в разных социальных условиях, объявляются и различными по способностям. И для тех, чьи родители относятся к низшим слоям общества, кто к тому же еще и «провалился» на испытаниях тестами, дорога дальше закрыта. Разве это не крушение инструмента, на котором еще не сыграли ни одной ноты?!

В свое время я проходил стажировку в Гарвардском университете, в Центре по изучению познавательных процессов, руководимом Д. Брунером. Он тогда занимался с малышами и убедился, что практические действия ребенка в его взаимодействии с внешним миром, общении со взрослыми — это те факторы, которые и порождают умственные вообще и познавательные, в частности, возможности человека. И я признателен судьбе, что она свела меня с ученым, который представляет то прогрессивное направление в американской психологии, чьи идеи в решении общих проблем развития умственных способностей не только по духу своему истинно гуманны, но и совпадают с идеями, выдвигаемыми советскими психологами.

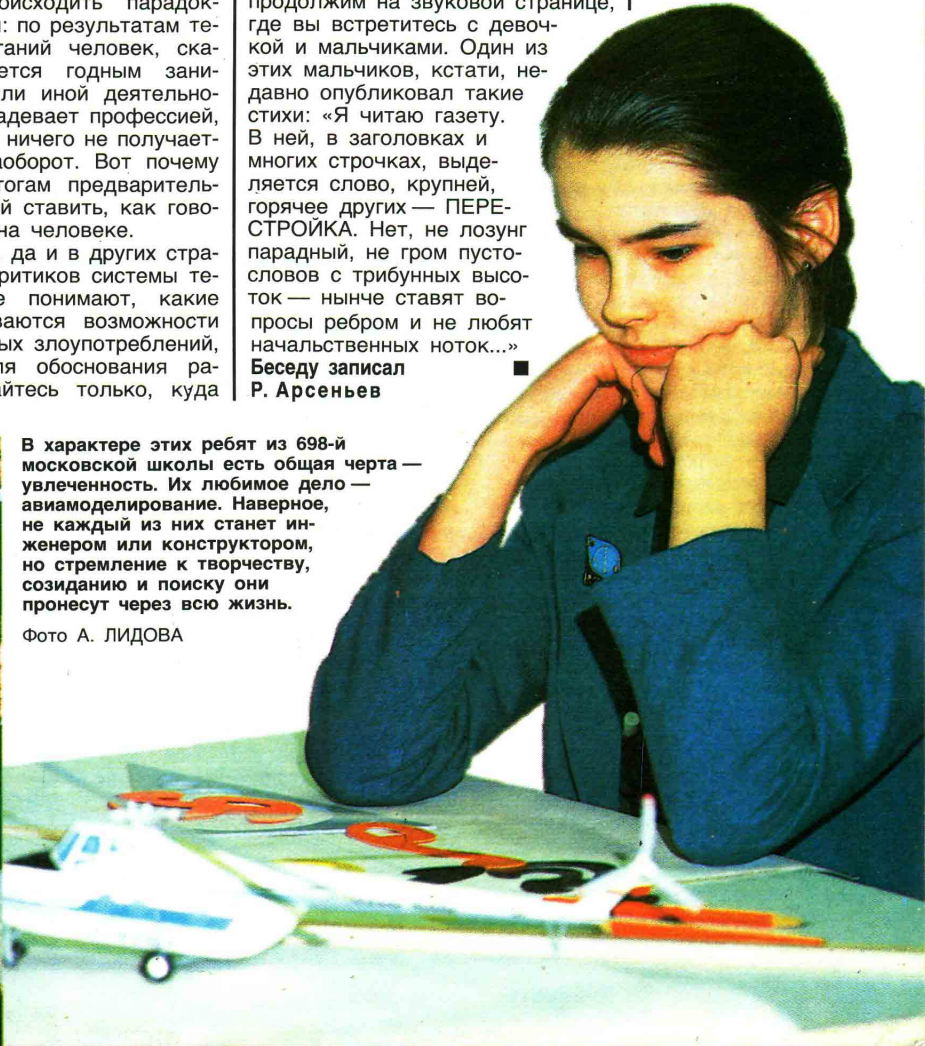
На этой, в общем-то мажорной, ноте мы и задержимся. А разговор продолжим на звуковой странице, где вы встретитесь с девочкой и мальчиками. Один из этих мальчиков, кстати, недавно опубликовал такие стихи: «Я читаю газету. В ней, в заголовках и многих строчках, выделяется слово, крупнее, горячее других — ПЕРЕСТРОЙКА. Нет, не лозунг парадный, не гром пустословов с трибунных высок — нынче ставят вопросы ребром и не любят начальственных ноток...»
Беседу записал
Р. Арсеньев

На четвертой звуковой странице вы услышите писателя Леонида Зорина, тринадцатилетнего студента МГУ Данилу Пигилова, пятилетнего математика Женю Численко, юного композитора Машу Мартынову.

В характере этих ребят из 698-й московской школы есть общая черта — увлеченность. Их любимое дело — авиамоделирование. Наверное, не каждый из них станет инженером или конструктором, но стремление к творчеству, созиданию и поиску они пронесут через всю жизнь.

Фото А. ЛИДОВА

Найти неизвестный документ, узнать о новом факте биографии, прочесть не публиковавшиеся воспоминания, раскрывающие еще одну грань жизни и деятельности вождя революции, — это всегда огромное событие.

В апреле 1955 года принял своих первых посетителей мемориальный музей «Кабинет и квартира В. И. Ленина в Кремле» и буквально ошеломил людей. Подлинность экспонатов, интеллигентная строгость кабинета, колоссальная библиотека, пометки Ленина, Крупской, М. Ульяновой на книжных страницах и то, чего никто не знал и никогда не искал, — великолепное семейное собрание нот — более 500 экземпляров — от старинных оперных клавиров до песенников первых лет революции.

...Конец прошлого века. Заштатный городок Симбирск, где один из «культурных островков» — дом семьи Ульяновых. Здесь получают общественно-политические журналы, выписывают из Москвы и Петербурга книги и ноты, увлекаются шахматами и музыкой. Основу нотной библиотеки составляют произведения, которые приобрела Мария Александровна Ульянова: русские народные песни в переложении для фортепиано и оперы Верди, «Аскольдова могила» Верстовского и «Сомнамбула» Беллини, романсы русских и зарубежных композиторов и сонаты Бетховена, вальсы и мазурки Шопена, «Времена года» Чайковского. Впоследствии дети прибавят в собрание любимые революционные песни, а позже — и произведения молодых советских композиторов А. Белого, Б. Шехтера.

Музыка — неотъемлемая часть жизни Ульяновых. Колыбельная матери, ее вечернее музицирование, когда вокруг рояля собиралась вся семья и каждый просил Марию Александровну исполнить его любимое произведение. Совместное исполнение песен передовой молодежи — их так хорошо знал Илья Николаевич. Летние каникулы — за роялем Оля, и Володя под ее аккомпанемент увлеченно поет романсы, арии из опер, «Карманьолу», волжские песни.

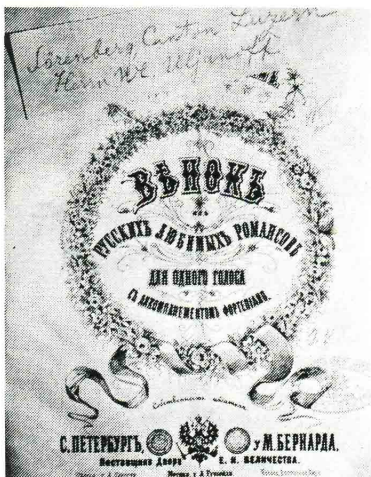
Автографы на нотных листах... Как много говорят они нам! Рукою матери Ленина на титульных листах — «М. Ульяновой», расстановка пальцев на этюдах для обучения малышей, — ведь она первая учительница музыки своих детей, и между страниц сборника песен маленький листок с последним эмиграционным адресом Владимира Ильича.

На первой странице фантазии на темы оперы Глинки «Руслан и Людмила» Анна Ильинична написала всего одно слово — «Мамочке», вложив в него свою любовь и неизбывную нежность.

Ноты, переписанные Ольгой

На фото А. СТЕПАНОВА: гостиная квартиры В. И. Ленина в Кремле; ноты и вложенная в них записка М. А. Ульяновой с швейцарским адресом В. И. Ленина; книги о музыке из библиотеки В. И. Ленина в Кремле; короб с нотами.

АВТОГРАФЫ НА СТАРЫХ КЛАВИРАХ

На второй звуковой странице — фрагмент музыки З. Грига к драме Г. Ибсена «Пер Гюнт», романс П. Чайковского «Растворил я окно», фрагмент увертюры к опере Р. Вагнера «Тангейзер».

Ильиничной, нас особенно привлекают — ведь Оля не только товарищ детских игр, она — единомышленник Володи, вместе с ним мечтала о будущем. Среди автографов Ольги Ильиничны нам особенно дорога переписанная ею фантазия Даргомыжского «Свадьба». Крупская поставила ее на первое место среди произведений, которые пел Ленин. Рано оставив занятия фортепиано, Владимир Ильич очень любил петь. Еще раз удивила исследователей Крупская, когда в ответ на вопрос о любимых композиторах Ленина прежде Бетховена и Чайковского поставила Вагнера. В нотном собрании есть его клавиры «Тангейзера» и «Парсифала», арии из «Лоэнгрина». Это говорит о том, что Владимир Ильич знал их с детства. Нам мало известно, какие оперные спектакли он посещал. «Евгений Онегин» Чайковского, «Фауст» Гуно, «Русалка» Даргомыжского, «Кармен» Бизе, «Дочь кардинала» Галеви, «Армида» Глюка и «Валькирия» Вагнера. Конечно, это далеко не все, но именно эти спектакли упоминаются

2
ВСТРЕЧА С ПРЕКРАСНЫМ

в документах и воспоминаниях современников.

Посещение оперы или концерта для Ленина, его родных и близких — всегда радость. В письмах наряду с политическими, партийными, семейными новостями сообщают и музыкальные. Хочется еще раз подчеркнуть духовное родство всех Ульяновых. Вот строки из письма Ленина матери из Лондона в 1903 году: «Недавно были первый раз за эту зиму в хорошем концерте и остались очень довольны, — особенно последней симфонией Чайковского (*Symphonie pathétique*)». А это пишет Анна Ильинична младшей сестре Марии на фронт, где она служила сестрой милосердия: «Знаешь, я была на днях в симфоническом концерте, и на меня произвела очень сильное впечатление патетическая симфония Чайковского: все время в ней слышалась и как-то очень глубоко переживалась война со всеми ее перипетиями, со всеми ужасами...»

Среди хорошо изданных альбомов в тисненых переплетках не затерялись в кремлевской квартире маленькие листовки с алым стягом и фигурой рюдовской «Марсельезы» — это рабоче-крестьянское правительство России издает миллионными тиражами песни, которые стали оружием в борьбе пролетариата. И среди них, конечно, «Интернационал», ставший по предложению Ленина гимном Коммунистической партии.

Октябрь. Рушится старый мир, созидается новый. Ленин, работая по 16—18 часов в сутки, заботится и о сохранности великого культурного наследия страны. Рождаются особая форма политической и культурной пропаганды — митинги-концерты, на которых после руководителей партии и государства выступают выдающиеся артисты. Иногда Ленин остается на торжественные концерты — в ознаменование праздников Октября или окончания партийных съездов и конференций. Он восторженно аплодирует Неждановой, Собину, Шалапину, Гельцер, Айседоре Дункан, дирижером Оскару Фриду и Сергею Кусевскому, народному хору Пятницкого. Редки минуты отдыха. В гостиной кремлевской квартиры стоит кабинетный рояль фирмы «Бехштейн». И так легко себе представить: собралась семья — Владимир Ильич, Надежда Константиновна, Анна Ильинична, Дмитрий Ильич. За инструментом — Маяша. Пролыстаются пожелтевшие страницы нотных записей, и комнату заполняет музыка... Григ, Лист, Бородин, Чайковский, Бетховен, Рахманинов...

Л. КУНЕЦКАЯ,
старший научный сотрудник
музея «Кабинет и квартира
В. И. Ленина в Кремле»

Год назад, в третьем номере «Знамени» за 1987 год, была напечатана повесть Николая Шмелева «Пашков дом». Имя автора мне, как и большинству читателей, решительно ничего не говорило, хотя многое наводило на мысль, что повесть эта хоть и литературный дебют, но из тех дебютов, что могли бы состояться значительно раньше. Уж слишком зрелыми для новичка были точность слова и глубина мысли. Сам же герой, потомственный русский интеллигент, всю жизнь склонявшийся над книгами в библиотеке, чтобы восполнить провалы в нашей культуре, делающий свое дело твердо, с достоинством, не ропща даже тогда, когда книга, труд жизни, оказывается погребенной в издательских лабиринтах; сам герой этот невольно заставлял задуматься — не есть ли его судьба своеобразное преломление литературной судьбы автора?

Спустя два месяца другой журнал, «Новый мир», напечатал статью доктора экономических наук Николая Шмелева «Авансы и долги», приобретшую немедленно успех, доходивший до сенсационности. Это был тот редкий случай, когда журнал рвали из рук из-за статьи — подумать только! — по экономике. Но мы изголодались по таким статьям, по откровенному слову, по смелому суждению, по личности, наконец, встающей за каждой формулировкой.

Ажиотаж вокруг статьи как-то оттеснил на второй план повесть. «Пашков дом» заметили, но говорить о Николае Шмелеве как о литературном явлении не торопились. Впрочем, это понятно: репутация писателя требует подтверждения — новых публикаций. И вот они появились, одна за другой. Рассказы. Повесть. И теперь стало окончательно ясно, что в литературу действительно пришел писатель со своим миром, своей темой, суммой идей.

Николай Шмелев — это не ученый, на досуге пописывающий прозу, это писатель, которому время мешало печататься, но не могло помешать мыслить, писать, и от этого вещи, вынутые сейчас из письменного стола, обладают драгоценным качеством новизны.

Человек и общество, человек и государственная машина, человек и власть — вот основные темы Шмелева, обращается ли он к современному материалу или к историческому, как в повести «Спектакль в честь господина первого министра» («Знамя», 1988, № 3).

Герой этой повести — великий Гете в ту пору, когда он, «признанный первый поэт Германии», еще молодой, тридцатитрехлетний, лелеял надежды, что в качестве премьер-министра герцогства Саксен-Веймарского сможет осуществить грандиозную программу преобразований, изменить ход дел в маленьком государстве.

Но, увы! Один человек не может перехитрить историю. Ему в конце концов придется выбирать между компромиссом с совестью (от Гете требуют подписать суровый закон, ужестоचाю-

щий наказание матерям-детоубийцам) и отставкой.

Печальны финалы повестей и рассказов Шмелева. Герой, как правило, оказывается измятым, измочаленным жизнью, терпит в ней поражение. Впрочем, поражение ли? Не оборачивается ли это поражение при ближайшем рассмотрении поражением победой?

В рассказе «Последний этаж» («Юность», 1988, № 2) рассказана страшная, невероятная, но при всей своей исключительности так точно характеризующая минувшие времена история. В трудные послевоенные годы человек, вкладывая самого себя в приносящий ему радость труд, пишет роман. Дает почитать приятелю. Приятель же пишет донос, дескать, роман — «контрреволюционная пропаганда». А через некоторое время роман выходит в свет под именем похитителя и имеет успех. И что же настоящий автор? Заявляет свои права? Нет. И если сначала это смирение непонятно, если его хочется объяснить страхом, параличом воли, то какое нравственное величие обнаруживается в герое, когда к нему, уже семидесятилетнему, приходит литературный чиновник с предложением заявить свои права на роман, а Георгий Михайлович отказывается. «Унизительно все это. Такое ощущение, что подай я это заявление, я тем самым тоже распишусь в собственном ничтожестве». Что это — гордыня или сила духа, проявляющаяся в отказе, в гордом самоотречении куда больше, чем в энергичном самоутверждении?

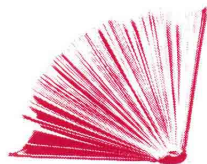
Герою важен не успех, не внешнее признание, но ощущение внутреннего достоинства, свободы, нравственной правоты.

Точно так же, как и героине совсем иного рассказа — «Аз воздам» («Литературная Россия», 1988, № 1) — Наталье Алексеевне, старой женщине, которую жизнь швыряла и трепала, как могла. И вот теперь, где-то в начале семидесятых, работает она гардеробщицей в старинном сибирском городке — нет права на пенсию: «в тридцать пятом, когда в одну ночь пришлось из Ленинграда выселяться, все бумаги там остались», нет жизненной хватки, чтобы собрать эти бумаги; а ведь пела в опере, преподавала языки, да и где только не работала! Живет в крохотном покосившемся домишке, в маленькой комнатенке, хранящей запах чистоты и бедности, — и ни тени вражды к другим, более удачливым, ни тени зависти, ни тени ропота на судьбу, зато сколько тихого мужества, достоинства, духовной стойкости. Жизнь, прожитая тяжко, но в мире с самим собой...

Мы часто требуем от людей активности, зовем их на подвиги, на свершения. Но, быть может, главный подвиг — сохранить человеческое достоинство в нечеловеческих ситуациях? — задает вопрос Шмелев. Жить — не суетясь, не хапая, не унижая других и не унижаясь, жить по совести, жить в мире с самим собой? ■

Алла ЛАТЫНИНА

ЛИТЕРАТУРА: МЕСЯЦ ЗА МЕСЯЦЕМ

БАРДЫ В ПОГОНАХ

Здравствуй, дорогой «Кругозор»!

Покупаю, читаю и слушаю тебя от «корки до корки». А взял-ся за перо впервые. Недавно в №9 я прочитал материал В. Верстакова о ребятах, исполняющих свой интернациональный долг. А на звуковой странице — «Афганский песенный дневник». Побольше бы таких материалов. Ей-богу, наши воины, не щадящие жизни, чтобы остаться верными присяге, интернациональному долгу, заслуживают и уважения и заботы всего нашего народа. Горько читать о людях, которые забывают об этом.

Продолжайте это благородное дело. Почаще рассказывайте о героизме наших бойцов, почаще знакомьте с их самодеятельными песнями.

Т. Дергунов, г. Новосибирск

*Пронесется пыль в Афганистане,
Вихрем чьи-то жизни прихватив.*

*Пусть им вечным памятником станет
Этой песни простенький мотив.*

Сегодня, в ставшее уже широким и многогранным понятие «авторская песня» все увереннее входит своеобразный песенный дневник, рожденный тревожными солдатскими буднями среди тех, кто выполняет свой ратный долг в Афганистане.

Песни эти дороги прежде всего искренностью, открытостью чувств. В них воспевается героизм и мужество молодых воинов, наших современников. Как солдаты, вернувшиеся из боя, они говорят о самом сокровенном. И гитара, та самая гитара, которая для многих была чуть ли не олицетворением инфантильности молодежи, заговорила о самом дорогом — о долге, мужестве, Родине.

В «афганских», как их называют, песнях четко проявляется жизненная позиция героя, молодого человека, впервые попавшего в суровую боевую обстановку. Конечно, у всех этих песен есть свои авторы — барды в погонах, хотя авторство далеко не всех текстов мне удалось установить. Бытуют песни на стихи военного журналиста капитана Николая Кирженко, политработника подполковника Валерия Ковалева. Стали песнями многие стихи армейских поэтов лейтенанта Александра Стовбы и подполковника Виктора Верстакова. А с магнитофонных кассет разносится чистый, тревожный голос разведчика, лейтенанта Августа Лебедева, награжденного орденами Красного Знамени и Красной Звезды, погибшего на горячей афганской земле. Песни его продолжают жить и волновать нас.

Во многих этих «простеньких» мелодиях и словах светится чистая нежная человеческая душа. Ее не огрублили, а закалили военные испытания. «Афганские» песни имеют свою собственную природу бытования. Передаются они главным образом не из уст в уста, а записанными на магнитофонные кассеты. Причем каждая кассета представляет собой своеобразный концерт с чередованием стихов, звукового фона — автоматные очереди, рев моторов боевых машин, крики муэдзинов, бой кремлевских курантов — и собственно песен. Записанные на магнитофонные пленки в боевой обстановке, они приобрели силу поэтических документов.

Что касается музыкальной стороны, то она в них как бы несколько приглушена лирической силой текстов. Исполнители озабочены больше тем, что сказать.

Песня — растение прихотливое. До поры как бы дремлющая, неслышимая среди других ритмов жизни, она пробуждается, когда душа взволнуется глубоким чувством, когда возникнет потребность излиться ей в печали и радости. И тогда незамысловатый песенный мотив, тихий гитарный перебор становятся слышнее ансамблей, оснащенных оглушающей техникой.

Петр ТКАЧЕНКО

На восьмой звуковой странице — песни, рожденные на земле Афганистана: «Шли сегодня танки» и «Кукушка» (В. Кочетков, Ю. Кирсанов). Исполняет ансамбль «Каскад».

*Наш народ глубоко уважает тех, кому довелось
нести воинскую службу в Афганистане...
Память о тех, кто погиб в Афганистане смертью
храбрых, для нас священна.*

М. С. ГОРБАЧЕВ

Шли ожесточенные бои близ кишлака Малам-Гулям, что под Ханабатом. Был получен приказ выйти к «зеленке»¹ и замкнуть кольцо вокруг банды. Но головной взвод напоролся на «духовский»² опорный пункт: ни укрыться, ни окопаться — окрест лишь затопленные рисовые чеки.

Командир взвода лейтенант Лобачевский получил ранение прямо в сердце.

— Верись — нет, — сказал мне майор Новиков, к которому были обращены последние слова лейтенанта, — Лобачевский связывается по радию с КП и докладывает: «Разрешите выйти из связи. Я убит». Я верил. Долг сильнее смерти. И история эта была слишком невероятной, чтобы не верить.

Смерть на войне — дело обычное. О ней говорят запросто. Порой — с юмором. («Что жизнь после смерти! Ты ответь мне лучше, есть ли жизнь до смерти?»)

Никогда не знаешь точно, сколько времени проходит с момента ранения до того, когда начинаешь чувствовать боль.

Иногда — секунда. Иногда — час. Иногда — больше, чем вечность. Командир минометного взвода лейтенант Слюньков определил этот промежуток точно. Получилось, как он говорит, «строгое пять секунд».

«Духи»³ начали обстрел эрсами². Слюньков мигом глянул на часы, чтобы засечь время между вспышкой от пущенного второго снаряда и подоспевшим звуком. В тот самый момент он почувствовал удар в плечо. Удар, но не боль.

В суматохе Слюньков не обратил на него внимания. Он продолжал следить за стрелкой, чтобы помножить потом секунды на 333³ и получить расстояние дальности огня. Однако помножить не смог: боль бросилась на него с ревом локомотива, врывающегося в туннель.

— Мне повезло, — сказал он, — плечевое ранение — романтическое ранение.

В доказательство он расстегнул ворот и оттянул тельняшку. Романтики было мало.

Иногда боль врезается одновременно с осколком. А случается и так,

¹ «Зеленка» — зона зеленой растительности.

² «Духовский» — душманский.

¹ «Духи» — душманы.

² РС — реактивный снаряд.

³ 333 м/сек — скорость звука в воздухе.

ИЗ АФГАНСКИХ ДНЕВНИКОВ

что она вообще не приходит. Это как далекая-далекая гроза: молния вспыхнула, а громыхнуть забыла. Только вдруг услышишь хлюпанье в ботинке — точно ноги промокли. Хотя вокруг пустыня без конца, края и воды.

Или почувствуешь, что тельняшка, став сырой и тяжелой, плотно облепила грудь, спину, бока — вроде как вспотел. Только сильнее обычного. Лейтенанту Манееву пуля попала в живот, а он это заметил, лишь когда солдат, смущаясь, сказал: «Товарищ лейтенант, а у вас вроде дырочка...»

— Классический случай внутренне-кровоизлияния, — поясняет Манеев. — Но пусть уж лучше боль приходит вслед за ранением. Хуже — если смерть.

Говорят, не дано услышать свист пули, которая тебя убьет. Но это лишь говорят. На самом деле дано.

Будь смерть наделена разумом и всеми сопутствующими ему атрибутами типа гордыни и самолюбия, она обязательно бы возмутилась от столь панибратского к ней отношения. Война срывает с нее ореол таинственности. Загляните в наш медбат, и вы сами убедитесь в безмерной духовной силе этих людей — несмотря на надрывные крики раненых, несмотря на безмолвный стон в глазах тех, кто уже не в силах кричать.

— И все-таки, — почти про себя прошептал полковник Пешков, — о смерти надо думать. Нельзя откладывать этот вопрос до последних дней, на крайний случай. Мысль

о смерти не должна застать тебя врасплох, когда ты будешь измучен или слаб.

— А что мне ее бояться, — ухмыльнется лейтенант Лукьянов, громыхнув аппаратом Илизарова, — чему быть, того не миновать. Лично для меня она никакой роли не играет: пока я есть — смерти нет, когда она придет, меня уже не будет...

Разговаривая с этими людьми, я не переставал поражаться той громадной внутренней работе, которую проделала душа и мозг каждого из них, чтобы прийти к такому вот спокойному и даже деловитому отношению к смерти. Я поражался до тех пор, пока не понял: привычка думать о смерти как о естественном, обычном и в конечном итоге том единственном, в чем человек может быть абсолютно уверен, уничтожает всякий страх перед нею.

Одним из таких людей для меня на всю жизнь останется капитан Захаров. Я отчетливо помню его глаза — глаза человека, который уже прожил всю свою жизнь, который в свои двадцать восемь за год службы в Афганистане испытал то, что иному не дано пережить и за сто лет мирной жизни.

Его имя, овеянное легендой, известно в любом кишлаке.

Застава капитана Захарова расположена в стратегически важном для «духов» месте — на стыке нескольких караванных путей. Контролируя этот нервный центр, Захаров перекрыл Гаюру, одному из самых коварных «духовских» главарей, кислородную трубку — наиболее короткий

путь доставки из Пакистана боеприпасов, оружия, медикаментов и продовольствия.

В ответ Гаюр объявил Захарова своим личным врагом номер один, пообещав за его голову миллион афгани. Не помогло. Тогда он послал на заставу под видом «доброжелателя» своего агента с предложением: «Переходи, Захаров, на мою сторону. Озолочу тебя и всех твоих жен. Гаюр».

Захаров поблагодарил лазутчика за лестное предложение, но Гаюру просил передать следующее: «Золото твое низкой пробы. Захаров».

За месяц до моего знакомства с Захаровым Гаюр попытался взять его обманом: золото не помогло, выручит хитрость! Приходит на заставу очередной «доброжелатель» и сообщает, что завтра в пяти километрах отсюда пойдет большой караван с оружием. Если Захарову дороги мирные жители окрестных кишлаков, он должен его уничтожить.

— Я быстренько проверил эту информацию через другие каналы, — рассказывал мне Захаров. — У меня много друзей среди местного населения — есть кого расспросить. Я хорошо лажу с крестьянами здешних кишлаков. Никогда их не обманываю, делюсь продовольствием. Словом, верные мне люди сообщили, что информация насчет каравана — ложь. План Гаюра стал ясен: он хотел, чтобы основные силы роты я отправил в засаду, а он тем временем взял бы меня голыми руками. Нет, думаю, не пройдет! Я щедро отблагодарил гаюровского «доброжелателя», а вечером сымитировал уход роты на засадные действия. Но лишь стемнело, ребята вернулись обратно. И я оказался прав, интуиция не подвела: ночью Гаюр, подтянув почти шестьсот до зубов вооруженных «духов», атаковал заставу с четырех сторон. Ну и я его встретил соответственно — Гаюр драпал со своими молодцами без оглядки.

Однако он мужик с выдумкой. На следующий день решил действовать методом «от противного». Подсылает он «доброжелателя», который сообщает: «Многоуважаемый Захаров, завтра Гаюр в пять часов дня ударит по твоей заставе всеми своими силами — готовься». Я, как водится, от всей души благодарю лазутчика, даю ему муки, денег. А про себя смею: «Ага, ты, Гаюр, хочешь, чтобы я заперся в своей крепости, а сам тем временем проведешь караван, — нет, брат, опять не выйдет!» И точно, завтра ровно в пять дня идет караван — боеприпасов везет столько, что Гаюру бы на два месяца активных боевых действий хватило. Но мои ребята еще с ночи в засаде скачуют — поджидают караван...»

Так вот и воюет Захаров с Гаюром — по принципу: кто хитрей, тот и победил. Но, конечно же, дело не столько в хитрости, сколько в мужестве Захарова. Его презрению к смерти. И любви к жизни. И верности долгу.

Никогда не приходилось мне видеть так много честных, светлых, самоотверженных людей, как за время, проведенное в Афганистане.

И чем ближе к боевым действиям, тем больше таких людей встречаешь. Видимо, таков один из законов войны.

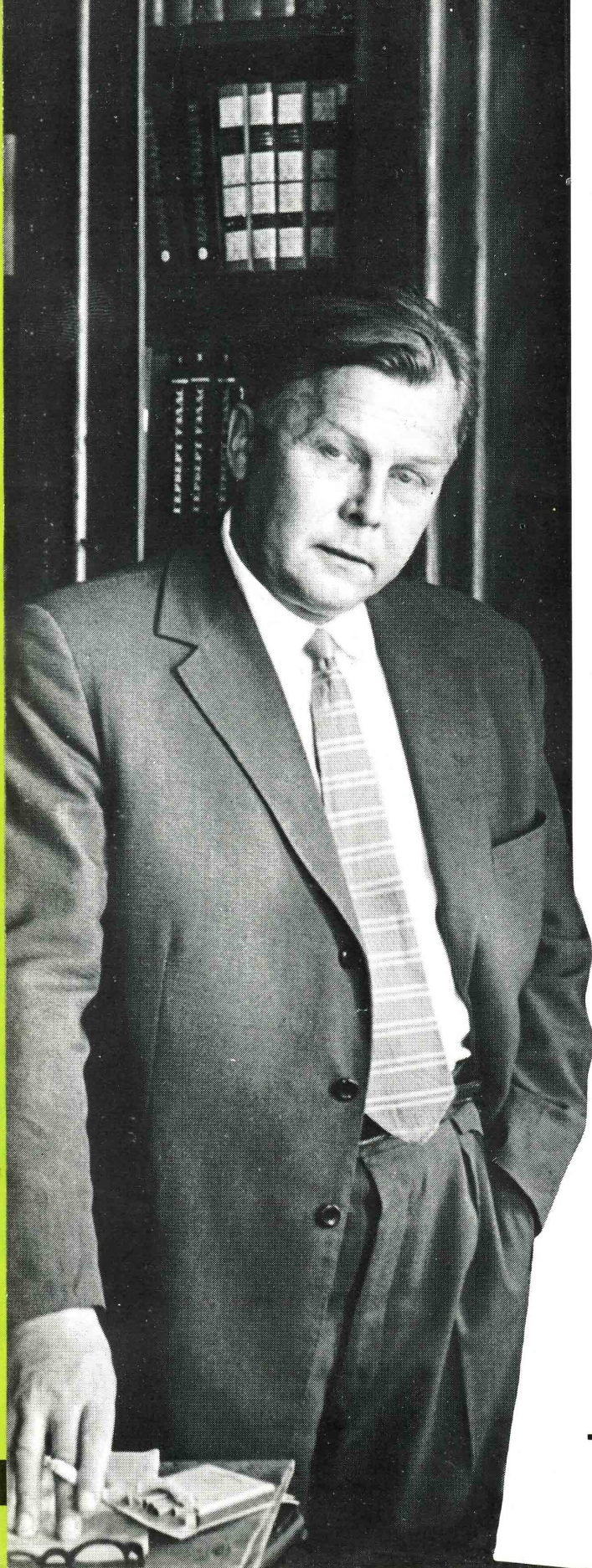

Эти фотографии — свидетельства трудных и памятных дней, проведенных советскими воинами-интернационалистами на афганской земле.

Фото
А. ГРАЩЕНКОВА
и Л. ЯКУТИНА

Артем БОРОВИК

Ленин занимает особое место в творчестве А. Т. Твардовского.

Ленинская тема звучит в его поэзии то открыто, публицистически, то подспудно, становясь с годами все значимее. Ярko воплотилась она в поэме «По праву памяти» (опубликованной посмертно), где идеи и сам духовный облик вождя стали главным нравственным и политическим ориентиром в борьбе за демократию и социализм.

Я хочу вспомнить об одной из первых попыток обращения моего отца к ленинской теме, существенной для понимания ее дальнейшего развития в творчестве поэта. Речь пойдет о стихотворении «Ленин и печник», ставшем хрестоматийным. Оно датируется автором 1938—1940 гг. Указал он и на его источник: записанное со слов жителя деревни Горки предание, опубликованное в сборнике «Творчество народов СССР» (М., 1937).

Это роскошное издание я любила в детстве. Торжественно шуршала папиросная бумага, открывая цветные иллюстрации — изображения предметов народного искусства — от дымковской игрушки до чеканки и вологодских кружев. Особенно красочны и многообразны были портреты И. В. Сталина, рисованные, вытканые на коврах, выжженные по дереву, вырезанные по кости. Сталин в этой приуроченной к двадцатилетию Октября книге главенствовал, шла ли речь о гражданской войне или строительстве социализма.

Фольклорная запись «Печник», положенная в основу стихотворения, находилась в небольшом разделе, посвященном В. И. Ленину, среди подобных же живых свидетельств тех, кому довелось встречаться с вождем, видеть и слышать его. Таких — неприязнительных по форме и содержанию — рассказов, взятых из реальной жизни, среди относящихся к Сталину в книге не было. О «лучшем друге и ученике Ленина» повествовали здесь сказки и легенды, где он уподоблялся орлу или тигру, заре и солнцу. Возможно, нарочито «заземленный» облик Владимира Ильича Ленина в стихотворении А. Твардовского («лысый, ростом невелик...») возник как невольная антитеза подобным изображени-

ям. Сталин в упомянутом издании вещает о счастье, воцарившемся на советской земле, где «ночь осталась позади». Ленин у поэта разговаривает с печником «про дела, про ту же печь».

Почему же именно предание «Печник» остановило внимание А. Твардовского, почувствовавшего в нем тему для стихотворения? Привлекла, несомненно, простота и естественность «крестьянского рассказа», убеждавшая в его непридуманности. Отец особенно ценил такую безыскусность и искренность исторических свидетельств. Будучи редактором «Нового мира», он напечатал воспоминания крестьянина-сибиряка Бартова, в апреле 1917 года оказавшегося у Финляндского вокзала среди встречавших В. И. Ленина. Бесхитростное признание Бартова, что он не услышал ленинской речи из-за гула многотысячной толпы, подобного ледоходу, увидел не Ленина, а «тысячи и тысячи головных уборов», редактор счел более выразительным и точнее передающим атмосферу встречи вождя, нежели страницы многих мемуаров, где «по памяти» цитировалась известная ленинская речь, опубликованная в его собрании сочинений.

Свою роль в выборе поэта, думается, сыграло и то, что герой рассказа был печником. Профессия эта в глазах отца была необъяснимо притягательной. Печь в его поэзии — лирической, военной, в сельской хронике — символ очага, дома, семьи, человеческого тепла, а само печное ремесло представлялось занятием особого рода, в котором так важны смекалка и интуиция, а главное — способность к делу, призвание к нему.

Все это в какой-то мере объясняет, почему фольклорная запись о встрече в Горках с Лениным печника, что называется, «задела за живое», естественно и прочно вошла в планы и замыслы поэта.

Рабочая тетрадь, начатая поэтом в январе 1939 года в Малеевке, открывается первыми строфами стихотворения «Ленин и печник». Однако закончить стихотворение в том, 1939-м году так и не удалось. Рассказав о первой встрече печника с Ильичем, которого он, не узнав, ненароком обругал, автор остановился на том, как печник переживает свою оплошность.

ГЛАВНАЯ ТЕМА ТВАРДОВСКОГО

Крякал, охал, сокрушался,
Как так вышло, сорвалось...
Снова встретиться боялся.
Ну, а встретиться пришлось.

Строфа эта, в окончательный текст не вошедшая, замыкала собой тот первоначальный его кусок — своеобразный запев, — далее которого автор так тогда и не двинулся. Он как будто тоже «боялся» новой встречи своих героев — настоящей, лицом к лицу и по серьезному поводу. «Плохо, скучно, продолжать нет сил», — выразительно резюмировал поэт свою оценку написанного. Однако позднее появилась новая запись: «Вовсе не так плохо! Обязательно закончить!»

Я склонна прочитать эту последнюю запись не столько как опровержение первой, сколько как признание обретенной уверенности в возможности сладить с избранной темой. Как будто в те ленинские дни 1939 года в малолюдной заснеженной Малеевке поэт ощутил скрытые возможности материала, позволявшие превратить простой стихотворный пересказ предания в самостоятельное произведение с живыми характерами.

Стихотворение «Ленин и печник» было закончено лишь через год — в январе 40-го, когда отец находился в действующей армии — участвовал в военных действиях на Карельском перешейке. 21 января оно было опубликовано в «Ленинградской правде» и в армейской газете «На страже Родины», в редакции которой он служил тогда.

Стремительная быстрота завершения показывает, насколько произведение это созрело в его сознании. Симптоматично, что ленинскую тему не заслонили военные впечатления, которыми Твардовский был целиком захвачен во всей их остроте и раскаленности.

Мне сейчас кажется, что перелом в работе над стихотворением наступил, когда поэт увидел в том печнике одного из героев своей сельской хроники. Люди, занимавшие тогда его воображение, были из тех, для кого труд — «всех основ основа» — не просто суровая необходимость, а одна из главных радостей бытия. В ту пору этот социальный тип еще не перевелся и в изобилии существовал на родной поэту Смоленщине (прообразом Иванушки-печника был земляк Твардовского). Позднее, в конце 50-х годов, писатель напомнил об этом уже вымиравшем тогда племени в рассказе «Печники».

Решение показать подобного героя рядом с Лениным и, явилось тем ключом к раскрытию темы, который превращал ее, при всей общезначимости, в глубоко личную.

Пытаясь воссоздать ход авторской мысли, я опираюсь не только

на анализ стихотворения, но и на позднейшие суждения отца, высказываемые, в частности, по поводу исторической прозы, стремившейся запечатлеть великих людей. А Твардовский с некоторой опаской и сомнением относился к попыткам непосредственного, «лобового» изображения исторических личностей в качестве главных героев литературных произведений. Художественно более верным представлялось ему передать их черты через восприятие людей, окружающих великих деятелей. Здесь автор обрел большую свободу, менее был скован ответственностью перед документальными свидетельствами: это были его герои, а не Истории.

Очень важной для понимания образа вождя представлялась возможность увидеть Ленина глазами труженика из гузи народа.

Объясняя некоторые отступления от упомянутой фольклорной записи — источника стихотворения, А. Т. Твардовский обратил внимание на собственное видение темы: «Все же это мой рассказ, основанный на предании, но не ставивший задачей буквальное воспроизведение предания». Он подразумевает здесь возможность разного художественного осмысления одной и той же жизненной ситуации.

С одним из образцов иного воплощения избранной им темы поэт был знаком. Я имею в виду рассказ М. М. Зощенко «Ленин и печник», основанный на том же предании (автор даже настоящую фамилию печнику оставил — Бендерин). «Рассказы о Ленине» М. Зощенко (М., 1939 г.) появились в нашем доме в конце мая 1940 года. Но отец мог познакомиться с книгой и в Ленинграде еще в январе. В таком случае она могла послужить дополнительным стимулом к созданию собственной версии той же житейской истории. В моем довоенном детстве существовали — не сливаясь в один образ, два разных печника — Бендерин (Зощенко) и безымянный Мастер (Твардовского), которых я воспринимала как разных людей.

У Зощенко Бендерин груб изначально, по своему вздорному характеру. У Твардовского в дерзости печника слышится самоутверждение («ведь при царской, прежней власти пофорсит он разве мог...»). Завязка и рассказа и стихотворения одна и та же: обругав по оплошности не узанного им Ленина, печник в тревоге и страхе ждет возмездия. И тот и другой писатель целиком сохранили многозначительный эпизод предания, когда за печником приезжают двое военных и он решает, что час расплаты настал. «Собирайтесь! Взял он шубу. Не найдет, где рукава. А жена ему: за грубость, за свои идешь слова...» Драматизм

этой сцены не казался читателю конца 30-х годов искусственно нагнетанным. За неосторожное слово в адрес «верного ученика Ленина», его преемника на государственном и партийном посту многие поплатились не только свободой — жизнью.

У Зощенко этот увоз печника — кульминация рассказа, за которой следует скорая развязка: Ленин просит исправить печь, Бендерин «выполняет все в лучшем виде и с превеликим», возвращаясь «сам не свой» домой под впечатлением дружелюбия, незлопамятности и справедливости вождя. У Твардовского приезд печника к Ленину «под конвоем» как бы придает новый разворот повествованию, истинная кульминация которого — починка печи, воссозданная с полным знанием дела — «не понаслышке, не из книжки» — с профессиональной точностью.

В своем вдохновенном труде («мастерит легко, любовно, словно песенку поет...») печник забывает страх и тревогу, обретает уверенность и чувство достоинства. После этого — ключевое по сути — эпизода приглашение его Лениным к чаю не выглядит простым жестом вежливости — в нем естественно усмотреть желание пообщаться с настоящим работником. И спокойное течение беседы за столом («по порядку, честь по чести») воспринимается с доверием — именно так, на равных, мог разговаривать с вождем Мастер. Чувство облегчения и радости от того, что надвигавшаяся, казалось, беда пронеслась, заслоняется в герое Твардовского удовлетворением, что не подкачал, показал Ильичу свое искусство. И здесь поэт ближе, чем М. Зощенко, к преданию, в котором Бендерин рассказывает заждавшейся его жене не о справедливости вождя (она сама собой разумеется), а о том, как он «товарищу Ленину печь поправил». Ощущения же зощенковского героя более соответствуют общественной атмосфере конца 30-х, нежели 20-х годов.

У стихотворения «Ленин и печник» счастливая судьба, оно как-то сразу прижилось и со временем не утратило популярности и признания. А ведь совершало свой путь к читателю в период, когда культивировался совсем иной образ вождя. Но, может быть, жизнеспособность этого произведения в годы отступлений от ленинских норм партийной и государственной жизни как раз и связана с тем, что в нем с ответственностью таланта воплощались сохранявшиеся в народе представления о вожде, о его справедливости, демократизме, уважении к человеческому достоинству. ■

В. А. ТВАРДОВСКАЯ,
доктор филологических наук

В этом году
в «Библиотеке
журнала
«Знамя»
выходит
собрание
всех
поэм

А. Т. Твардовского.
На пятой
звуковой
странице
вы услышите
фрагмент
сатирической
поэмы
«Теркин
на том свете»,
опубликованной
в 1963 году.
Читает
Александр
Трифонович
Твардовский.

5

МАСТЕРСКАЯ ПОЭТА

Вокруг каждого крупного режиссерского имени — своя атмосфера, или «аура», как теперь любят говорить. Витает она и вокруг имени Андрея Александровича Гончарова и его театра — Театра имени Владимира Маяковского.

Театралы старшего поколения помнят другое его название — Театр Революции. Рожденный Октябрем, он всем своим существом отвечал духу и требованиям новой эпохи. Поиск новых тем, нового героя, новых средств сценического языка — так определил задачи этого театра его основатель Вс. Мейерхольд.

В разное время у руля театра стояли режиссеры А. Д. Попов, Ю. А. Завадский, Н. П. Охлопков — продолжатели традиций Мейерхольда. Когда в 1967 году театр возглавил А. А. Гончаров, у него уже был за плечами опыт известных постановок на московских сценах. А до этого — учеба в ГИТИСе, прерванная войной, бои в конной разведке, тяжелое ранение, госпиталь и, наконец, возвращение в строй — руководителем фронтового театра.

с поисков того, что беспокоит сегодняшнего человека, что его серьезно волнует, — размышляет Гончаров. — Когда я читаю новую пьесу, то прежде всего задаю себе вопрос: зачем, ради чего она написана и действительно ли нужна людям сегодня? Решающей для меня всегда является социальная значимость темы, актуальность нравственной проблематики».

Человек с верой, человек с идеалами — вот герой театра Гончарова. Не случайно он поставил пьесу о Сократе — одном из первых законодателей нравственности, который предпочел умереть, но не отречься от своих принципов.

Оттого так долго живет на сцене театра Дон Кихот с его романтической верой в добро и справедливость. «Искусство держится на Дон Кихотах, на одержимых», — утверждает Гончаров. Для него

ловые акценты. И потому Гончаров исследует прежде всего невежество и его последствия в ванюшинских детях, рождение уродливых форм мещанства, корежащих человеческую душу.

Эту же тему духовного падения стяжателей режиссер предложил и в спектакле «Банкрот» по пьесе А. Островского «Свои люди — сочтемся». Слова Герцена об этой пьесе — «русских гнева и ненависти против русских нравов» — стали идейной основой спектакля-фарса, острого, злого и веселого, обличающего жестокость и нелепость мира частнособственнических страстей, его бездуховность, грубость.

Гончаров убежден, что ни публицистика, ни массовая культура не должны быть предметом театральной выразительности, хотя театр и ставил публицистические пьесы Г. Боровика. «Нельзя пу-

МАСТЕРА
СОВЕТСКОГО ИСКУССТВА

РЯДОМ С ДОН КИХОТАМИ

Жизнь наша полна конфликтов, — любит повторять Гончаров, — их много в нашей театральной повседневности, но хватает их только драматургии.

Действительно, длительное время театральная литература была лишена конфликтности, хотя именно конфликт лежит в основе драматургии, спектакля, театра. «Борьба ангелов с архангелами», — печально шутит Андрей Александрович по поводу конфликта хорошего с отличным на театральной сцене, вспомнивая популярные залы 50-х годов.

Режиссер считает, что его поколению не повезло. Найти своего драматурга в период, который теперь именуют застойным, было нелегко. Застой, по его мнению, это не тридцать лет, как принято думать, а все пятьдесят. Но и в этот труднейший период жизни театра Гончаров отстаивал право художника говорить своим голосом. Он был первооткрывателем булгаковского «Бега», одним из первых проложил путь на нашу сцену драматургии Т. Уильямса, обратился к историко-философским произведениям Э. Радзинского. Гончаров стремился на историческом материале разрабатывать важнейшие нравственные проблемы. Спектакль «Театр времен Нерона и Сенеки» по пьесе Э. Радзинского — страстное обвинение конформизму, социальной инертности, вольно или невольно поощряющим зло.

Нерон — это в известном смысле предтеча нынешних претендентов на мировое господство. И тема обличения деспотизма, тирании, обывательского равнодушия представляется режиссеру необычайно актуальной. «Театр начинается

шукшинские герои — странные люди, чудаки, охваченные поэтической мечтой, — тоже Дон Кихоты. Конечно, рядом с Дон Кихотами всегда беспокойно, тревожно. Своим бесстрашием, благородными поступками они и от нас требуют максимального, высшего напряжения духа.

Борьба духовности с бездуховностью — ведущая тема театра. Благородство, высокая культура чувств, нравственная стойкость и чистота в непримиримой борьбе с воинствующим мещанством, своекорыстием, бездумной растраченной времени, сил, жизни.

Задача резкого противопоставления высоких и низменных начал жизни увлекла Гончарова и в лесковской «Леди Макбет Мценского уезда», и в пьесе Т. Уильямса «Трамвай «Желание»».

— Нам хотелось выступить против вселенского хамства, рассказать о стремлении героини Бланш Дюбуа успеть прыгнуть с подножки известного «Трамвая «Желание», чтобы вновь обрести себя в жизни. Вот материал для постижения внутреннего мира человека, столь нужный современному театру, — вспоминает режиссер об этой работе.

Каждый раз, приступая к созданию нового спектакля, Гончаров стремится определить его интонацию. Интонация спектакля для режиссера — это сегодняшний способ отражения и осмысления конкретного жизненного явления. Разве интересна современному зрителю мелодрама купца Ванюшина из пьесы С. Найденова? Прошло время, и сегодня разговор на тему распада купеческой семьи предполагает другие смыс-

блицистику избирать главным направлением театра, — говорит Андрей Александрович. — Театр интересен прежде всего постижением человека. Человек, его существование — вот единственное, что по-настоящему увлекает зрителя. «Образ спектакля» рождается в первую очередь через актера, его умение, воспринимая материал пьесы, яростно присвоить его себе и уже от своего имени активно и заразительно передать зрителю».

И эту заразительную ноту Андрей Александрович Гончаров всегда находит у молодежи. Его курс в ГИТИСе, где он преподает уже 50 лет, стал экспериментальной площадкой для театра. Нередко спектакли, родившиеся в стенах института, затем обретали полную сценическую жизнь в театре. Одна из последних таких студенческих работ — дипломный спектакль выпускников ГИТИСа «Завтра была война» по повести Б. Васильева — также была перенесена на малую сцену театра.

Способность слушать время для Гончарова — главный побудитель диалога со зрительным залом. И здесь для него служит примером его учитель — А. М. Лобанов, которому он посвятил не одну страницу в своей книге «Режиссерские тетради». Кому адресована эта книга? Профессионалам или просто интересующимся древним и загадочным искусством театра? Всем. Потому что это не пособие по режиссуре, а страстная режиссерская исповедь. В ней зримо угадывается автор — умный, вдохновенный, застенчивый, задумчивый и веселый художник. ■

И. СМЕРНОВА

«Мы, наверное, рано отказались от традиций русского психологического театра, от сложных образных систем, рожденных Вахтанговым, Таировым, Мейерхольдом и, конечно же, Станиславским и Немировичем-Данченко...» — размышления А. А. Гончарова об острых проблемах театрального искусства и фрагмент его репетиционной работы над «Закатом» Бабеля вы услышите на шестой звуковой странице.

Андрей Александрович Гончаров на минуту вышел из зала. За дверь продолжается репетиция...

Фото Л. ЛАЗАРЕВА

Ах, этот день — Первое апреля! Ну, конечно, начало весны. И, во-вторых, долгожданный День смеха. И хотя это не официальный праздник и не какой-то одной профессии, но сколько же людей охотно включаются в его веселую круговерть, сколько смеха бьет из светлых родников человечества! Разве мало охотников разыгрывать в этот день знакомого, близкого человека.

Розыгрыш... Откуда появилось это слово? Раньше, помнится, его не было. Было — подшутить над кем-то. В основе всякого розыгрыша лежит шутка — не злая, не обидная, но уж обязательно смешная. И цель ее самая благая — незаметно для разыгрываемого поставить его в смешное, комедийное положение, используя при этом его обычные человеческие слабости — лень, преувеличенное самозначение, склонность приврать. И, конечно, доверчивость.

Объектом розыгрыша обычно становится человек, наделенный чувством юмора, способный понять и оценить шутку, не обидеться, а посмеяться над своим положением вместе со всеми. Если человек не понимает юмора, утверждал Антон Павлович Чехов, то он никогда и ничего не поймет. Так что будьте осмотрительны, а то ваша шутка может вызвать вместо смеха недоумение, досаду, а то и вражду на долгие годы. Известно, насмешки боится тот, кому, кажется, уже и сам черт не брат.

Диапазон розыгрышей велик. Помните, как шутила героиня И. Ильфа и Е. Петрова незабываемая Эллочка Людоетка: «У вас вся спина белая!» Ну что ж, и такое бывает, может, кто и посмеется. Но настоящий розыгрыш — совсем другое.

Невозможно не вспомнить историю с апокрифом, послужившую материалом для розыгрыша. И кого! Самого Александра Сергеевича Пушкина! Проспер Мериме сочинил как-то цикл стихов, соблюдая все национальные, этнические приметы, и озаглавил его «Песни западных славян». Впоследствии друг Мериме и Пушкина Соболевский сумел убедить Александра Сергеевича в том, что это подлинные сербские народные тексты, только переведенные на французский язык. Доверчивый Пушкин с восторгом взялся переводить их на русский. Кто же теперь

ИМЕНИНЫ ЮМОРА

не знает хрестоматийного «Что ты ржешь, мой конь ретивый» из вошедших в историю нашей литературы «Песен западных славян»? Но причиной-то их появления послужил чистый розыгрыш.

Продолжительное время во многих дореволюционных журналах публиковались стихи некоей загадочной поэтессы Анжелики Сафьяновой. У определенных слоев читающей публики они даже пользовались популярностью. И лишь потом выяснилось, что автором и стихов, и самой «поэтессы» был известный впоследствии советский писатель Лев Никулин. Это уже был розыгрыш, как говорится, вселенских масштабов — он касался широкого круга читателей журналов.

Некоторые розыгрыши со временем начинают самостоятельную жизнь, превращаются в анекдот, байку, в народную молву. Жив розыгрыш-курилка и в наши дни! Смех светел, он излетает из доброй, светлой природы человека. Мир задремал бы без веселых историй и побасенок. Не напрасно же говорят: где смех — там человек.

Когда предоставлялась возможность, я редко отказывал себе в удовольствии разыграть своих друзей. Иногда это бывали целые пьесы со сложной, тщательно разработанной заранее драматургией, длившиеся долгое время, случалось, что и месяцами. И тем эффективнее получался финальный эпизод (литературный пример — новеллы О'Генри с неожиданными развязками сюжета).

Особенно охотно я разыгрывал своего близкого друга, известного писателя-сатирика Бориса Ласкина, доброго, веселого и необычайно доверчивого человека, обладавшего обостренным чувством юмора как в творчестве, так и в быту. И надо было видеть, как он, полав впросак, радостно хохотал вместе со всеми — самоирония была его неизменным спутником.

Итак, 1 апреля — именины юмора. Будем же дорожить этим прекрасным чувством — чувством юмора, этого бодрящего, жизнерадостного дара. Хочешь быть здоровым — умеи радоваться шутке.

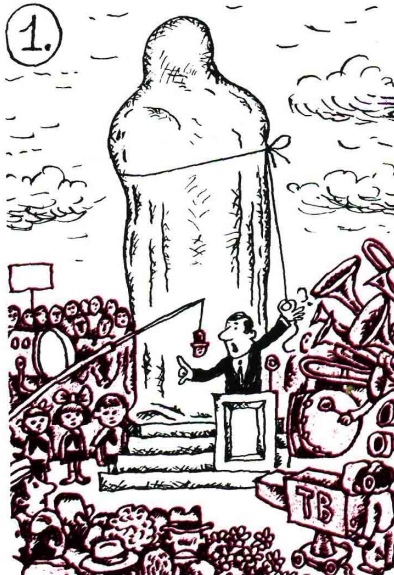
Никита БОГОСЛОВСКИЙ
народный артист СССР

Рисунки К. БОРИСОВА

Внимание!
Звуковую страницу № 7
читателям до 16 лет
слушать не рекомендуется.

1.

2.

Алексей ПЬЯНОВ

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПАРОДИИ

ПРАВДА ОБ ЭПИКУРЕ

(Евгений Винокуров)

Как порой убого—

на смех курам!—

Наше представление о былом...

Вот возьмем, к примеру,

Эпикура.

Что мы знаем, в сущности,

о нем?

«То есть как?!—
воскликнет и младенец.—

Был такой,

Не ведавший забот,

Сибарит, гуляка, наслажденец,

Стоиков циничный

Антипод...»

Ваши представления рутинны.

Я пристрастием к байкам

Не грешу.

Я для вас реальную картину

Жизни Эпикура

Напишу.

Греция. Убогая избушка.

Жесткая циновка на полу.

Луковица. Черствая горбушка.

Амфора разбитая в углу.

Бледный серп

Висит над мокрым лугом,

Смех русалок

Слышен на реке...

Эпикур

Ведет беседу с другом,

Чашу чуть качая на руке.

Речь его неспешна и невинна.

Женщины в ней— вечное табу.

Траченная молью мешковина

Еле прикрывает худобу.

Тень олицы

На цинковке пляшет.

За окном, толпясь, бегут года...

Загляните

Эпикуру в чашу.

Там вода.

Обычная вода.

А Вы?..

(Евгений Евтушенко)

А вы останетесь собой,

Когда вам сунут в рот гобой,

А вы на нем—ни ме ни бе,

А вы привыкли на трубе?

Своей трубой вы звали в бой,

А ваш гобой поет отбой...

Собой не может быть любой,

Кто делает отбой— судьбой.

СМЕРТЬСЯ.
ПРАВДА. НЕ ТРЕЩУ.

*А вы останетесь собой
С измазанной в икре губой,
Когда гобойщиков гурьбой
Начнут кормить как на убой?
Когда бывлые трубачи,
Что были совести врачи,
Польстятся на сладкие харчи,
Ушли в дельцы и в трепачи?
Я не отдам мою трубу!
Я ваш гобой видал в гробу!
Лукавый этот инструмент
Способен лишь на комплимент.
А я с трубой не расстанусь.
И пусть моя труба груба,
Но коль останется труба,
То вместе с ней и я останусь.*

ЯБЛОЧНАЯ БАЛЛАДА

(Юнна Мориц)

*Этот случай знает каждый,
Только так ли он случаен?..
Лег под яблоней однажды
Утомленный англичанин.*

*Подремать решил он сладко...
Ты внимательнее слушай:
Тут не в яблоне разгадка—
Мог прилечь он и под грушей.*

*Ну, лежит себе— и ладно,
И кому какое дело?
Было тихо и прохладно.
Вдруг листва зашелестела,*

*И ранет упал на темя,
Тайному подобно знаку,
И законы тяготенья
Вмиг открылись Исааку.*

*Он вскричал:
«Ну, это слишком!
И в саду покоя нету!»
И погладил нежно шишку,
И отъел кусок ранета.*

*Байка яблочная эта,
Вспоминаемая часто,
Лапидарностью сюжета
И к поэзии причастна.*

*Тщетно тужишься,
Мой друг, ты,
День и ночь в садах гуляешь,
И под зреющие фрукты
Зря головку подставляешь.*

*Тут заметим мы, однако,
Не помогут яблок тонны:
Мало зваться Исааком,
Надо быть еще Ньютоном!*

Уходящий круто вверх над-рывный «крик» Дмитрия Варшавского на рокоте гитар держит зал в кулаке. На верхние ступени зрительского внимания и хит-парадов ансамбль «Черный кофе» поднялся на крыльях именно этого клича, экспрессивной музыки и простых, иногда, правда, не слишком искусных, но искренних, обращенных к двадцатилетним стихов.

Разговоры о поэтике и о музыке «Черного кофе» я вел в один и тот же день с автором многих композиций этой группы, певцом и гитаристом Дмитрием Варшавским и поэтессой Маргаритой Пушкиной.

Беседа с Д. ВАРШАВСКИМ...

— Как пришло музыкальное решение «Владимирской Руси»?

Варшавский: Оно пришло сразу, с ходу. Стихи Саши Шаганова, отчеркнутые, кстати, Вознесенским, — «В этих срубках есть сердце и вены», — подсказали рисунок мелодии — русское квинтовое звучание...

— Вы записали мелодию?

Варшавский: Я никогда не записываю сочиненного...

— Стало быть, на концерте не исключен момент импровизации?

Варшавский: В малой степени. Но мы понимаем друг друга с полужеста. Мы — это бас-гитарист Игорь Куприянов, ударник Сергей Черняков, гитарист Игорь Андреев и я.

— Откуда название группы?

Варшавский: Символ. Черный кофе — крепкий напиток, тонизирующий, без примесей.

— Вы хотели отойти от шаблона?

Варшавский: Мы просто решили для себя, что искусство должно быть независимым, иначе оно станет коммерческим. Мы не ориентировались на популярность. Порой и нас не ориентировали на

это. Все-таки трудно забыть, что, скажем, Игорь Куприянов, решивший еще до создания группы участвовать в конкурсе ВИА, услышал: «Длинноволосых ни в один клуб не пускают — чтобы его здесь не было!» Сейчас мы работаем во дворцах спорта, правда, не везде, а было время, когда положение группы было едва ли не полулегальным. Первый состав наш распался из-за этого. Думаю, что все это — следствие непонимания рок-музыки как неотъемлемой звуковой оболочки века и как карнавального всплеска энергии. Если раньше с нами приходили знакомиться, то теперь приходят общаться.

Разговор с М. ПУШКИНОЙ...

— Как вы оцениваете позицию «Черного кофе» с точки зрения стиля?

Пушкина: Как отход от «металла» в сторону хард-рока, мелодического хард-рока. Вокал Варшавского, конечно, уникальный. Его узнаешь сразу, а узнаваемость в роке, быть может, самое главное. Между прочим, есть голос (бас) и у Куприянова. Этот артист еще не раскрылся. Вообще мне нравилось, когда Варшавский и Куприянов выступали в маленьких залах...

— Вы предпочитаете в роке любителей?

Пушкина: Пожалуй. Любители свободны от посторонних вмешательств. В этом смысле иногда эскизы любителей сильнее, чем законченные опусы профессионалов.

— Какие проблемы у «Черного кофе»?

Пушкина: Надо работать над мастерством, над образом, движением, пластикой. Варшавский при его сильнейшем вокале должен вырасти в настоящего солиста. И не надо бояться рисковать. ■

Артем ГАЛЫПЕРИН

ПО ВАШИМ ПРОСЬБАМ

АРОМАТ «ЧЕРНОГО КОФЕ»

**На десятой
звуковой
странице
вы услышите
в исполнении
группы
«Черный кофе»
песни
«Черный кофе»
(Д. Варшавский)
и «Звездный
водоём»
(Д. Варшавский,
А. Шаганов).**

Фото
Л. ГОРЯНСКОГО

— Что у вас? — незнакомый парень загораживает мне дорогу к окошку приема книг в букинистическом магазине.

— «Правы ли мы?» Никитиных.

— Беру,— отрезает он.

На книжном черном рынке эта копеечная брошюра стоит в сотни раз дороже номинала.

«Правы ли мы?» называлась первая книга Никитиных. С этой брошюры все и началось. В ней супруги Никитины, не педагоги и не медики по образованию (Лена Алексеевна — библиотекарь, Борис Павлович — инженер-механик), делились собственным родительским опытом усиленного закаливания, физического и умственного развития маленьких детей. Ребята, которые бегали босиком по снегу, легко поднимали вес почти в 2 раза больше своего и болели в 5—10 раз реже сверстников, заинтересовали многих. К Никитиным пошли люди. Очень скоро их дом не мог принять всех. Тогда в местной школе раз в месяц Никитины стали рассказывать о своих родительских находках всем интересующимся...

Сегодня семеро детей Никитиных выросли, интересно работают, у многих свои семьи — Борис Павлович с Леной Алексеевной воспитывают девятерых внуков.

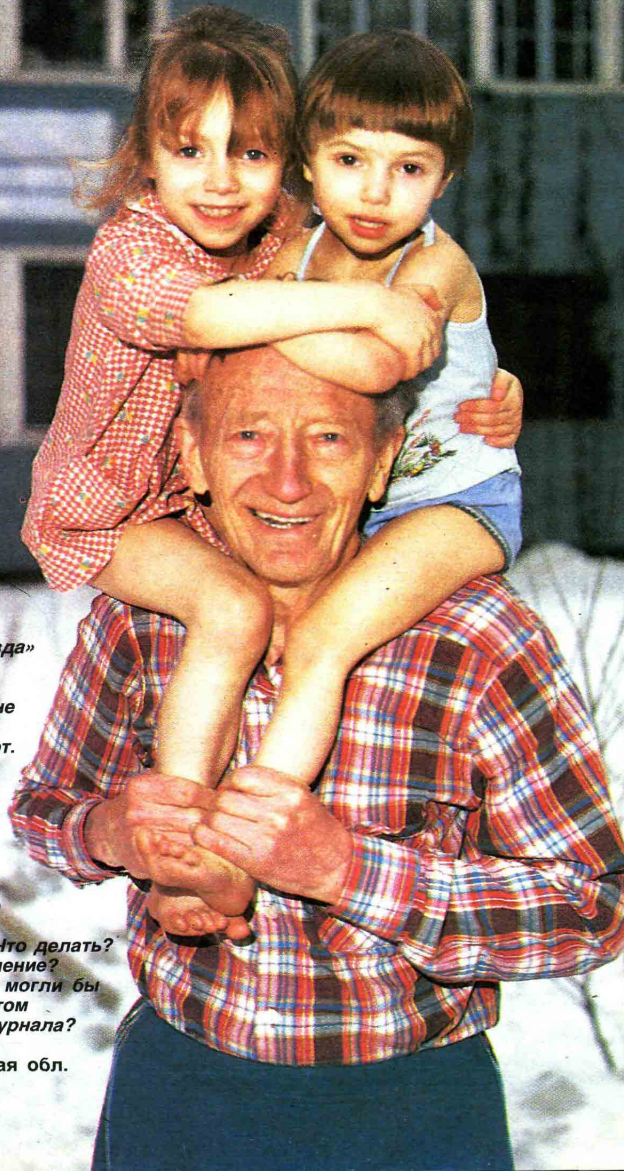
За эти годы тоненькая брошюрика разрослась в девяносто с лишним научных рукописей. В ФРГ уже седьмой год подряд переиздается толстый том трудов Никитиных. Печатаются книги супругов в Болгарии, Голландии, Греции, Испании и других странах. По ним защищаются диссертации, идут обсуждения на научных конференциях. В Японии многие детские сады работают по рекомендациям Никитиных. Производство их «развивающих игр» и несложных спортивных сооружений в этой стране давно поставлено на промышленную основу.

Я побывала на одной из никитинских воскресных лекций в школе. Собралось 113 человек из 34 городов Советского Союза... Рядом со мной — горнорабочий Е. Зимоглядов. Борис Павлович раскладывает перед нами графики:

— Вот ступеньки развития полутора тысяч ребятшек, наблюдае-

ЗА ЗДОРОВЬЕМ...К НИКИТИНЫМ

Недавно в газете «Правда» прочла статью о семье Никитиных. И сразу подумалось: вот кто мне поможет. У меня двое детей, они часто болеют. Я, конечно, стараюсь выполнить все предписания врачей и пичкаю их всевозможными лекарствами. Только дети мои от этих таблеток становятся не здоровее, а, наоборот, все бледнее и слабее. Что делать? С чего начать оздоровление? Может быть, Никитины могли бы поделиться своим опытом на страницах вашего журнала?
Л. Н. Киселева,
г. Апрелевка, Московская обл.

МЫ И НАШИ ДЕТИ

3
фото А. ЛИДОВА

«Можно бороться с болезнями двумя путями...» — считает Б. П. Никитин. Его рассказ о том, как воспитать здорового малыша, на звуковой странице.

мых нами. А вот так познавали мир наши дети.

Две линии резко расходятся в стороны.

Алексей начал читать в два года восемь месяцев, остальные — не позднее трех-четырех лет. Тогда же дети познакомились с цифрами, счетом, планом, чертежом, картой. Антону было 13, а аттестат зрелости школы с математическим уклоном уже лежал у него в кармане. Но в педагогический институт документы не приняли — после окончания его он бы пришел учителем в класс своих сверстников. Антон поступил в химико-механический техникум, окончил его с отличием и был принят на химфак МГУ. Так же рано оканчивали школу и продолжали обучение в техникумах и остальные дети Никитиных.

Зимогладов внимательно слушает и записывает. У него пятеро детей — вопросов непочтатый край. Сейчас в Донецке, откуда он приехал, сорок семей объединились в клуб, имя которому дали по книге супругов «Мы и наши дети». (Кстати, никитинские клубы организованы по всей стране, их больше тридцати.) Клуб командировал Зимогладова сделать выписки из книг и рукописей, перерисовать чертежи спортивных снарядов.

Книги Никитиных, комплексы игр, спорткомплексы не достать. Вот и едут со всех концов страны люди к ним за информацией. По существу, это консультационный центр, и давно уже работает.

В этот же вечер к Никитиным приехала незнакомая женщина из Днепрпетровска. Она работает на почте, своих детей нет. Слышала, как нелегко Никитиным, в отпуск собралась в Валентиновку. Готова помогать: отвечать на письма, телефонные звонки, печатать на машинке и что другое, если надо. Никитины с радостью приняли помощь. Популярность их дома растет, а у хозяев не хватает времени, физических и материальных возможностей на всех посетителей.

Именно поэтому они обратились в Министерство просвещения СССР, чтобы их домашний консультационный центр наконец по-

лучил официальный статус — штат работников и материальную основу. Минпрос переадресовал письмо в Академию педагогических наук с просьбой изучить и дать оценку опыту. Создали комиссию.

Семья очень надеялась на нее. Но никто из комиссии не поинтересовался рукописями, не пришел поговорить с ними, посмотреть на детей и внуков. Опыт изучали по тем нескольким книгам, что были опубликованы в сильно урезанном виде. В результате в создании консультационного центра было по формальной причине отказано — у Никитиных нет дипломов пединститута.

Решение академии в жизни Никитиных ничего не изменило — людей в доме не убавилось. Зато академия ловко ушла от решения сложного вопроса. Тех же, кто приезжает в Валентиновку, никитинские дипломы не интересуют. Им нужна помощь. Реальная, практическая.

...И еще одна гостья была в тот вечер в доме Никитиных. Молодая девушка раскрашивала кубики для «развивающих игр». Что привело ее сюда? Татьяна рассказала. Недавно окончила институт, распределилась учителем русского языка и литературы в одну из самых обычных, ничем не выдающихся средних школ в центре Москвы. В первый же день пришла в ужас. Четвертый класс. Десятилетние дети. А читают они чуть ли не по слогам, косноязычны, нелюбознательны. У ребят потухший взгляд, они ничем не интересуются...

Удастся ли Татьяне помочь этим детям?

Надеемся, в свете решений Пленума ЦК КПСС по вопросам реформы общеобразовательной, профессиональной и высшей школы ситуация изменится. А пока родители, которые хотят иметь здоровых и развитых детей, не теряют времени, не ждут, пока дом Никитиных получит официальный статус. В последнее воскресенье каждого месяца они — в клубе подмосковного поселка Болшево, у Никитиных. ■

А. ЯКОВЛЕВА

Настроение за кулисами Дворца спорта «Динамо» в тот вечер было, прямо скажем, невеселое. Так случилось, что в международной программе вместе с известными зарубежными эстрадными артистами должна была выступать популярная у молодежи советская «металлическая» группа. Ее поклонники, пришедшие на концерт, буквально не давали петь артистам, свистели, топтали ногами, скандировали название любимой группы. Особенно неистовствовал молодой парень в заклепанной кожаной куртке с металлической серьгой в ухе. Обстановка в зале накалялась, и тогда болгарская певица Петя Буюклиева попросила «пропустить» ее вне очереди. Она вышла на авансцену и громко спросила: «Хотите «металл»?» Сидящие впереди «металлисты» громко закричали: «Да!» Тогда, хитро прищурившись, Петя сказала: «Только мне нужен партнер».

Спустившись в зал, вытянула из рядов того самого «металлиста» с серьгой. Вернувшись на сцену со своим колоритным спутником, она сделала знак музыкантам и объявила: «Итак, «металл»... времен молодости моей бабушки!» И под стремительный чарльстон запела стилизованную ретропесенку, при этом лихо вовлекая в бешеный танец своего партнера. Зал не мог не оценить этой неожиданной шутки. Рухнула стена непонимания, и молодые ребята с удовольствием приняли игру, хлопая и подпевали стихийно возникшему дуэту. Когда Петя закончила выступление, от резкого движения у нее упала огромная серьга. Ее «партнер» галантно подхватил украшение и протянул певице, но она, засмеявшись, надела ее ему на другое ухо в качестве «гонорара» за выступление.

Петю Буюклиеву в Болгарии считают безусловным лидером эстрадной песни. Впервые о ней заговорили в 1986 году, после радиоконкурса, который ежегодно проводит болгарское радио. Она получила первый приз за исполнение песни «Весна», затем последовало еще одно удачное выступление на молодежном конкурсе болгарских исполнителей, где зрители и жюри единодушно отдали молодой певице свои симпатии. В том же 1986 году Буюклиева представляет свою страну на конкурсе «Золотой Орфей» и становится обладательницей главного приза.

Уже два года многие песни из ее репертуара входят в число лучших болгарских шлягеров. Вероятно, это происходит потому, что она умеет выбрать «свою» песню, обладающую сильным голосом, столь модным сегодня на эстраде, великолепно владеет искусством джазовой импровизации.

После одного из московских концертов мне удалось побеседовать с Петей Буюклиевой.

— Работаю я в самых разных музыкальных стилях — в моем репертуаре и композиции в стиле рок, и лирические баллады, и эстрадные шлягеры. Главное, чтобы все это было «мое», чтобы я могла передать зрителю собственные мысли и чувства. Охотно сотрудничаю с телевидением и записала даже сольную программу. Меня часто приглашают в кино исполнять песни за кадром. Когда-нибудь рискну и сделаю это на экране.

А. ДАВЫДОВ

ГОСТИ МОСКВЫ

Я КОГДА-НИБУДЬ РИСКНУ

На одиннадцатой звуковой странице в исполнении П. Буюклиевой слушайте песни «Встреча» (А. Брзицов, М. Белчев) и «Женщина на все времена» (Д. Бояджиев, В. Николаев).

Фото Агентства «СОФИЯ-ПРЕСС»

НЕ ТОЛЬКО ЛЮБОпытства РАДИ...

Для себя я вывела некую закономерность: если уж поступают интересные письма, то, как говорится, «косяком!» Конечно, дело тут в контакте с читателем. Значит, задело что-то за живое, пусть даже вызвало желание возразить, но не оставило равнодушным. И во многих письмах — предложения, просьбы, советы. Письмо первое. «С «Кругозором» знакома с 1972 года. Но вот что досадно — редко встречаются в журнале материалы на правовую тему. К сожалению, знание закона не каждого оставит от дурного шага, но, может быть, заставит задуматься. Мне представляется, что роль звукового журнала тут трудно переоценить. И еще. Не секрет, что эстетическое воспитание у нас не всегда достигает цели. И тут «Кругозор» может сделать много полезного. Подумайте об этом. Л. И. Ширяева, г. Степногорск».

Судя по письмам, эти проблемы волнуют многих читателей, да и появились они не сегодня. Вероятно, многие из вас уже познакомились с публикациями новой рубрики «Преступление и наказание», в которой мы рассказывали и о горькой судьбе девушки-наркоманки, и о борьбе со взятками. В этих материалах шла речь о правовых законах. Мы надеемся вскоре рассказать еще об одном деле, которое «ведет» наш корреспондент. Не раскрывая по естественным причинам его существа, заметим, что мы сами весьма заинтригованы ходом запутанного расследования. Посмотрим, чем все кончится... Итак, следите за рубрикой «Преступление и наказание».

Письмо второе. «Памятные места! Что они дают человеку? Отчего-то ведь люди едут за тридевять земель, чтобы увидеть «скамейку Онегина» в Михайловском, подышать воздухом великого Толстого в Ясной Поляне! Не только же любопытства ради. Но бывает и так, что многие не знают даже названий старинных русских городов, не говоря об их истории. А ведь в них наша Память, прошлое нашей страны, нашего народа. Думаю, что такие материалы помогут нам всем лучше понимать на-

стоящее, сделать лучше, милосерднее, духовно богаче! А. П. Корovina, Тамбовская область».

Учитывая нарастающий интерес читателей к истории Отечества, мы в одном из ближайших номеров журнала открываем рубрику «От Нестора до наших дней». Расскажем о летописях и летописцах прошедших веков, познакомим читателей с известными русскими историками Н. Карамзиным, В. Тредиаковским, С. Соловьевым, В. Ключевским, Е. Тарле и другими. Рубрику будет вести историк и публицист К. А. Кедров.

И третье письмо. Тема рок-музыки. В редакционной почте за последний месяц этой теме посвящено более тысячи писем. Многих читателей интересует история рок-музыки, ее истоки, причины популярности. «Я не отношусь к «фанатам» металлического рока или хард-рока, но считаю, что ничего вульгарного, вызывающего и дурного в нем нет. Рок, как и всякая другая музыка, имеет право на существование. А только ругать его бесполезно. Лучше помогите нам, молодым, разобраться, понять его», — пишет В. Юрченко из г. Ярославля. В одном из номеров мы продолжим дискуссию о рок-музыке. Вы можете стать ее участником. Пишите, нам интересно узнать вашу точку зрения.

А теперь коротко о некоторых других просьбах. Читатели, например, спрашивают: разгадана ли тайна Тунгусского метеорита, что слышно об НЛО, где обретается «снежный человек», как скоро будет найдена вакцина от СПИДа?

В одном из ближайших выпусков «Кругозора» кандидат медицинских наук В. В. Покровский расскажет о проблемах, связанных с борьбой со СПИДОМ. Что же касается остальных — «таинственного и неведомого», то можем сказать: редакция готовит репортаж о поисках одной из экспедиций неуловимого «снежного человека». В наши планы входит ответить и на другие вопросы любознательных читателей. ■

Марина НАТАЛИЧ,
редактор по письмам

4 (289)
апрель
1988 г.
Год
основания
1964

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ОБЩЕСТВЕННО-
ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЛИТЕРАТУРНО-
МУЗЫКАЛЬНЫЙ
ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЗВУКОВОЙ
ЖУРНАЛ

© ИЗДАТЕЛЬ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
КОМИТЕТ СССР
ПО ТЕЛЕВИДИНИЮ
И РАДИОВЕЩАНИЮ
1988 г.

На первой странице
обложки —
Семиклассник
698-й московской
школы
Сергея Недбайло,
который
мечтает стать
авиаконструктором.
Фото А. Лидова.

Звуковые
страницы
изготовлены
Всесоюзной
студией грамзаписи
фирмы «Мелодия»
и Государственным
Домом
радиовещания
и звукозаписи.

Сдано в набор
15.02.88.
Подп. к печ. 24.02.88.
Б 04004.
Формат 84 × 108¹/₁₆.
Офсетная печать.
Усл. п. л. 1,68.
Уч.-изд. л. 3,50.
Усл. кр.-отт. 6,30.
Тираж 255 000 экз.
Зак. 2024.
Цена 1 р. 50 к.

Ордена Ленина
и ордена
Октябрьской
Революции
типография
имени В. И. Ленина
издательства
ЦК КПСС «Правда».
125865, ГСП,
Москва, А-137,
ул. «Правды», 24.

Адрес редакции:
113326, Москва,
Пятницкая, 25,
«Кругозор».
☎ Телефон редакции:
241-67-67.

РЕДАКЦИОННАЯ
КОЛЛЕГИЯ

Технический
редактор
Л. Е. Петрова.

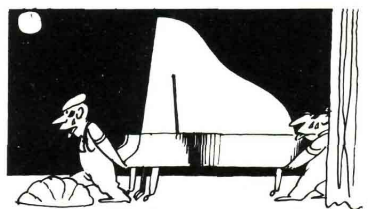
Сегодня в рубрике «Смех в зале» дебютирует писатель Михаил Мишин. Написала я эти слова и задумалась: как же могло такое случиться, что один из ведущих наших сатириков до последнего времени был мало известен широкой публике? Ответ на свой вопрос нашла в монологе самого Михаила Мишина. Помните, что говорит один из его героев устами артиста Геннадия Хазанова: «Одобрям» — это не глагол. «Одобрям» — это название эпохи».

У человечества была эпоха Ренессанса, у нас — эпоха «одобрямс!»

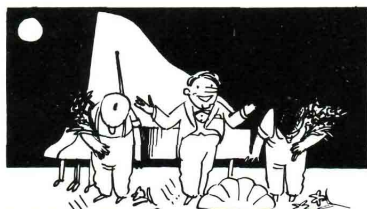
И если в эту эпоху и у многих кинематографистов лучшие фильмы пылились на полках, то у сатириков рассказы лежали в портфелях. И нередко об этих острейших, смелых и по-настоящему нужных фельетонах и монологах знали только их авторы.

Конечно, нельзя сказать, что творчество Михаила Мишина было совершенно неизвестно читателям (в Ленинграде издано несколько книжек его юмористических рассказов). На «Ленфильме» снят киноальманах «Исключение из правил» по произведениям Мишина. «Портфель» этого писателя постоянно изучал народный артист СССР Аркадий Райкин: программа, поставленная в Ленинградском театре миниатюр, как раз и есть результат пристального интереса художественного руководителя этого театра к «портфелю» писателя.

Однако громкое имя Аркадия Райкина почти всегда отодвигало на задний план авторов его спектаклей. Так произошло с Михаилом Жванецким, так случилось и с Михаилом Мишиным. Программы в театре шли с успехом, а имена авторов оставались в тени большого артиста. Правда, в Ленинграде, бывало, устраивались творческие вечера Мишина. Но чаще всего после такого концерта организатор вечера с испугом спрашивал писателя: «А вы не боитесь читать то, что читаете? В случае чего, я не в курсе...» Естественно, что в другой раз этот организатор «вечеров сатиры и юмора» к автору острейших монологов не обращался...

Рисунки М. ВАЛИАХМЕТОВА,
г. Москва.

На девятой звуковой странице — сатирические монологи М. Мишина: «Речь на отчетном собрании в колхозе» и «История про весну» в исполнении автора.

СМЕХ В ЗАЛЕ
ХОЧЕШЬ СКАЗАТЬ—
ГОВОРИ!

Дружеский шарж
В. ШАРКОВОЙ

И тут я опять вынуждена процитировать один из фельетонов писателя, прочитанный им года два назад на юбилейном вечере Аркадия Райкина.

«Этой весной ничего не страшно, все можно и дозволено. Хочешь сказать — скажи, хочешь потребовать — потребуй, хочешь попробовать — попробуй!»

И вот уже Михаил Мишин становится постоянным участником телепередачи «Вокруг смеха». Его монологи звучат с эстрады в исполнении ведущих мастеров смеха, а в издательстве «Московский рабочий» готовится к печати новая книга.

Да, эпоха «одобрямса» осталась позади, сатире дан «зеленый свет», и в то же время...

Что скажет по этому поводу сам М. Мишин?

— Парадокс, но в эпоху всеобщего молчания на эстраде работать было легче. Конкуренции почти никакой. Сказал, что в магазинах нет колбасы, — и ты отчаянный смельчак, «настоящий сатирик»!

— Верно, в эпоху застоя был нанесен удар по сатире.

— Это был не удар, это было почти полное уничтожение. Теперь мы удивляемся, почему у нас такая неинтересная «разговорная эстрада». А что тут удивляться? Последние тридцать лет эстрада пела.

«Песня-77», «Песня-78», «Песня-79», «С песней по жизни», «Алло, мы ищем таланты!». Когда бы ни включил телевизор — все время поют. Если на сцене и появлялись «говорящие артисты», то это были пародисты. Существовала даже такая эстрадная программа «Парад пародистов»: двенадцать девочек выбегали на сцену и пародировали Аллу Пугачеву. Поэтому такой любовью публики пользовались артисты, которые и тогда не боялись говорить правду. Это и Аркадий Райкин, и Геннадий Хазанов, и Роман Карцев, и Виктор Ильченко...

Сейчас, когда так резко изменилось многое в нашей жизни и продолжает меняться, перед разговорным жанром на эстраде стоит простой выбор: возродиться или умереть... ■

АНСАМБЛЬ «ЮРАЙЯ ХИП»

Естественно, когда речь заходит об этом ансамбле, сразу же вспоминаются его недавние гастролы в СССР и совместные выступления с нашими «Землянами». О «Землянах» я скажу чуть позже, а сначала еще раз уточним координаты «Юрайя Хип» на небосклоне рок-музыки. К моменту рождения этого ансамбля в 1970 году группа «Битлз», господствовавшая в умах любителей рока в 60-х годах, прекратила существование, а «Роллинг Стоунз» — знаменитость № 2 — стала терять поклонников. К зениту двинулись новые группы, работавшие в иных стилях. Группа «Юрайя Хип» шла вслед за ними. Пик ее популярности пришелся на 1972 год (диски «Демоны и колдуны» и «День рождения волшебника»), но в целом успех сопутствует «Юрайя Хип» и сейчас. Прежде чем разобраться в корнях этого успеха, несколько слов о названии группы. Музыканты решили принять имя главного отрицательного персонажа романа Диккенса «Дэвид Копперфилд» Уриа Гиппа (более привычная для нас транскрипция этого имени), когда в Англии отмечалось столетие со дня смерти писателя — это было как раз в 1970 году. Выбор вполне в традициях рок-музыкантов: шокировать публику, привлечь внимание...

Трудно объяснить однозначно причины успеха. Видимо, свою роль сыграла та общественная атмосфера апатии и разочарования, которая пришла на смену бурным молодежным выступлениям протеста в конце 60-х годов. По выражению известного западногерманского рок-певца Удо Линденберга, «людей потянуло улечься в духовный гамак». Пробудить их от спячки могли более напористые, динамичные музыкальные стили, в первую очередь «хард-рок». Все в нем было непривычно: одежда исполнителей и их манера держаться на сцене, мелодика и аранжировки, повышенная громкость звука и внешний вид инструментов, световые и пиротехнические решения, наконец, режиссура шоу. С улиц взрывы и крики пришли на рок-сцену, став и отголоском минувших событий, и мощным средством воздействия на новое поколение зрителей.

Поначалу ансамбль «Юрайя Хип» ничем не выделялся среди кол-

Р. ДУБОВИЦКАЯ

лег по жанру (один американский критик даже писал: «Если уж и эти добьются успеха, я покончу с собой!»), но через год группа обрела свое лицо. Удачно найденный прием — сочетание звучащих в унисон гитарных и клавишных аккордов с многоголосием, порой напоминающим манеру «Бич Бойз», обеснечил завидное долголетие таким композициям, как «Июльское утро», «Легкая жизнь», «Посмотри на себя», «Цыганка». За время существования ансамбль выпустил 19 альбомов общим тиражом в 30 миллионов экземпляров. «Юрая Хип» несколько раз объехал мир и к 1987 году, пожалуй, не был только у нас.

Правда, из основателей верен ансамблю остался лишь гитарист Мик Бокс. Клавишник Фил Ланзон и певец Берни Шоу пришли в группу чуть больше года назад. Концерты «Юрая Хип» в Ленинграде и Москве прошли с большим успехом.

Выбор репертуара, профессионализм, темперамент музыкантов, умелое сочетание звука со светом — все это было по достоинству оценено нашей публикой.

Однако, к сожалению, бочка меда не обошлась без ложки дегтя. Вернее, без двух. Первая — это огромное, огороженное барьерами и оцепленное милицией пустое пространство перед сценой «Олимпийского» в Москве. Обычно оно было занято партером, а на сей раз лишь отделяло музыкантов от зрителей. Зрители, к примеру, с удовольствием откликнулись на приглашение Берни Шоу сплунуть к сцене и потанцевать. Но энтузиастов стали решительно, порой не очень-то вежливо выдворять из зала. На пресс-конференции Мик Бокс и импресарио Ласло Хегедюш заявили: «Мы приехали не только выступать, но и общаться, однако общения не получается: мы почти не видим и не слышим тех, кто пришел на концерт, а они — нас». Известно, что сама форма концертов рок-групп подразумевает контакт зала с музыкантами. Пора перестать бояться этого...

А теперь о второй ложке дегтя. На каждом концерте выступлению «Юрая Хип» предшествовала 40-

минутная программа «Земля». И нельзя не отметить весьма прохладный прием, оказанный им публикой. «Земляне» уступали гостям и в зрелищности, и в мастерстве. Конечно, сама идея совместного выступления небезупречна. Зрители шли, конечно, на «Юрая Хип», и любая наша группа неминуемо должна была восприниматься как «нагрузка». Но самое при-скорбное — это реакция «Землян» на собственную неудачу. Руководитель группы В. Киселев обвинил в ней советских журналистов, которые, дескать, приучили публику любить западную музыку и не любить отечественную. Оставив эту мысль на совести В. Киселева и не вступая с ним в полемику, хотелось бы напомнить ему, что настоящий артист всегда отличается требовательностью к себе, а не стремлением свалить на других вину за свои неудачи.

Владимир ФРАДКИН

На двенадцатой звуковой странице вы услышите две композиции группы «Юрая Хип»: «Красные огни» (Бокс, Дзэли, Голби, Синклер) и «Вояки уик-энда» (Бокс, Дзэли, Голби, Синклер, Керслейк).

Фото А. ЛИДОВА

КАМЕРТОН ЭСТРАДЫ

«ЮРАЯ ХИП»
«ПРЕМЬЕРА»

